

Георгий Лопатин

ИНДИЙСКИЙ ПОХОД

Георгий Васильевич Лопатин

Индийский поход

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63766081

Аннотация

Необычное природное явление переселяет душу нашего современника в тело Василия Васильевича Орлова сына атамана Войска Донского которому Павел Первый повелел совершить Индийский поход. И вселенец собирается осуществить этот проект...

Содержание

Пролог	5
Первая часть. Дела домашние	12
Глава 1. Вселенец	12
Глава 2. Принятие решений	45
Глава 3. Петербургский замес	78
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Георгий Лопатин

Индийский поход

© Георгий Лопатин, 2021

* * *

Пролог

Есть на севере загадочные, выложенные из камней, круги-лабиринты. Хотя к классическим лабиринтам с тупиками это не имеет ничего общего, просто ведущая к центру специфически изогнутая дорожка без ответвлений. Кто их сделал, когда, а главное каким целям они служили, доподлинно ныне неизвестно. То ли площадка для шаманских камланий, каких-то социальных обрядов вроде свадебных, то ли вообще похоронных, для перехода душ усопших в иной мир, а может еще для чего-то...

Но еще до того, как о них стало хорошо известно широкой общественности благодаря газетам, телевизионным передачам, а потом и интернету, в одно из таких мест с кругом диаметром в тридцать метров с начала восьмидесятых годов любила приезжать на выходные семья Орловых, Василий Васильевич и Полина Викторовна, благо имелась собственная машина, старенькая двадцать первая «волга», но в хорошем состоянии, так как у главы семейства руки росли откуда надо и ремонт производился качественно.

Рыбачили, жарили шашлыки, собирали ягоду и грибы, иногда охотились на мелкую живность, в общем устраивали классический пикник на природе. Ездили даже зимой, хоть и реже чем летом, но раз в месяц в хорошую погоду, обязательно вырывались из шумного и вонючего города Петра

творенья, что навевал своим унылым серым видом, да еще в столь непростое время для страны чувство даже не тоски, а какой-то беспросветной обреченности, ведь наступили лихие девяностые...

Здесь на природе, оставив суетную цивилизацию за спиной, плохие мысли постепенно уходили, хандра слетала и становилось легче дышать. Даже больше, появлялся заряд бодрости.

Брали с собой и своего малолетнего сына Василия (была в их семье такая традиция всем первенцам давать имя Василий), для которого эти поездки стали самым желанным событием. Во время этих поездок он был по-настоящему счастлив.

Став чуть взрослее Василий понял, что его родители слегка... нестандартные, по крайней мере по сравнению с родителями своих одноклассников. Нет, не психи и даже не сектанты какие, но... определенно несколько хиппонутые, разве что дурью не увлекаются, более того даже не курили и спиртное употребляли только по большим праздникам и то очень в меру. Опять же на ставшую модной в стране эзотерику подсади, йогой занялись, про всякие там чакры с аурой читают, третий глаз открывают, и прочую ересь изучают типа феншуя, хиромантии, да гороскопы.

Василий естественно тоже не избежал этого поветрия, и немудрено, ведь родители все равно вольно или невольно становятся объектом для подражания. Но как ему казалось,

он изучал более практичные вещи, а именно гипноз и самогипноз. Последняя дисциплина давалась ему особенно хорошо, так что однажды, несколько увлекшись изучением и оттачиванием одной методики, чуть в кататоническое состояние не впал. Хорошо не усидел и свалился на пол со стула, больно стукнувшись плечом.

Но занятия не бросил. Васе казалось, что это помогает ему в учебе лучше запоминать материал. Учился он и впрямь неплохо, отличником не был (математика и все, что связано с цифрами почему-то плохо поддавалось подобному способу изучения, даже даты исторических событий усваивал с трудом), но и троек тоже не имел. Особенно хорошо шли гуманитарные предметы, литература, история и иностранные языки, так что он довольно легко освоил школьные курсы английского и немецкого, самостоятельно изучил французский, и даже нацелился на итальянский...

Шло время, и Василий Орлов стал ездить один пытаться подзарядиться и сбросить накопившуюся эмоциональную тяжесть, чтобы пережить очередную тяжелую рабочую неделю... Увы, пока служил в армии обычным мотострелком, родители возвращаясь из очередного вояжа «подзарядки» попали в автомобильную аварию. На встречу вылетел джип «мерседес» с мажорчиком под кайфом...

Мажорчик выжил, и даже пострадал не сильно, спасла подушка безопасности. И от ответственности в итоге увернулся. Вроде как ни в одном глазу, а что машина вылетела, так

это из-за технической неисправности – руль заклинило. Типа несчастный случай, никто не виноват.

Так что продолжил этот мажорчик и дальше веселиться по клубам бегать да с девками гулять, как ни в чем ни бывало. Правда не долго... случилась у него передозировка сильная. Поудивлялись конечно знающие люди, ведь дозы у него были все отмерены в специальных патетиках, а тут отчего-то сразу десять доз себе в вену вкатил, но разбираться не стали. Чего с нарком возиться, когда других дел выше крыши? Насильники, маньяки да убийцы бегают табунами. А нарки эти пусть хоть все сторчатся.

Какое-то время Василий пытался приохотить к поездкам жену, но она не проявила большого энтузиазма, предпочитая ночные клубы. А потом и вовсе семейный корабль налетел на подводные рифы жизни... когда он обнаружил, что ему надо лечиться от одной специфической болячки передающейся половым путем. Не повезло. Бывает. Гормоны, то да се... не разглядел в общем. Хорошо хоть не СПИД.

Да и поначалу была такой правильной... И гипнотизировать-программировать ее «на верность» Василий посчитал неэтичным, нечестным (иначе это ведь все равно что с живым роботом жить, с чем-то ненатуральным, подделкой, кому-то может и в кайф было бы сделать себе полностью послушную куклу исполняющую все его прихоти, но не ему), потому вообще в личных отношениях никогда не пользовался гипнозом (разве что на работе чуть-чуть, для установле-

ние доброжелательного настроения в коллективе), вот и аукнулось ему его чистоплюйство.

Василий невольно скривился, сбрасывая негативные воспоминания личной неудачи, что нет-нет, да накатывали болезненной волной внося в душу раздрай, и включил радио. Как раз шла метеосводка. На севере да еще в прибрежной зоне погода меняется резко, вот вроде тихо все, а через десять минут – шторм, так что послушать обновленный прогноз погоды не мешало.

Но ничего не поменялось, все те же двадцать пять тепла, что для середины сентября было весьма хорошо, разве что на данной волне сообщили о мощной солнечной вспышке случившейся аккурат три дня назад, а значит поток заряженных частиц вот-вот должен был достигнуть Земли и рекомендовали сердечникам и прочим метеочувствительным людям держать необходимые лекарства под рукой и особо физически и психологически не напрягаться.

– ...Так что мы с вами, дорогие радиослушатели, в ближайшие часы можем стать свидетелями такого интересного и красивейшего явления, как северное сияние...

Василий выключил радио и снова скривился из-за очередного плохого воспоминания. Жена не оценила тогда небесного зрелища. Холодно ей видите ли было, комары понимаешь, дескать видела уже... по телевизору.

Сорок лет... в этот день должно было исполниться. И вот навалилась какая-то зеленая тоска. Знакомые говорили про

кризис среднего возраста... дескать надо стиснуть зубы и перетерпеть, только не пускаться во всякие безумства, что иногда случается с людьми в такой непростой период жизни. И он сам прекрасно зная об этом, терпел, но не вытерпел и прямо в обеденный перерыв посреди рабочей недели сорвался на «свое место», для чего взял отгул, благо был у начальства на хорошем счету.

Он все-таки решил забить на странную традицию и отметить свой день рождения, пусть и в одиночестве. Ну а то, что эту дату не празднуют, видимо в память о хазарских каганах, коих в сорок лет ритуально удавливали, ему было наплевать.

Пить правда не стал, не приучен, тем более в одиночку. Просто разбил палатку и пошел рыбачить, постепенно чувствуя, как его отпускает и все проблемы становятся каким-то далекими и несущественными.

Было ли это самовнушением, в котором он так хорошо продвинулся? Василий не знал. Но так ли это важно, если помогает? Так что он не собирался заниматься самоанализом. Увлекаться самокопанием тоже не стоит.

Подступил вечер, стало темнеть, и Василий запек улов, коим и поужинал, открыв-таки прихваченную бутылку белого вина. Почему-то именно в этот день, как никогда остро захотелось вернуться назад в свое беззаботное и счастливое детство...

Странно, но в этот раз уснуть Орлов почему-то долго не мог. Выбрался из палатки и долго сидел в раскладном кресле

наблюдая за птицами и провожая взглядом проходящие вдалеке корабли. А потом стало не до сна, началось обещанное радиоведущим северное сияние. Величественное и завораживающее зрелище. Он не раз и не два наблюдал это явление, но каждый раз оно для него было, как в первый раз. Но сейчас было особенно хорошо, тело наполнила необычайная легкость...

Василий, очень долго не отрываясь смотрел на светящиеся зеленые переливы в небесах, да так, что сам не заметил, как вошел в сомнамбулическое состояние и не отдавая себе отчета в собственных действиях, встал и словно лунатик подошел к каменному лабиринту, а потом двинулся по тропе, чего он давно не делал. С далекого детства не делал. Лишь где-то на грани сознания пульсировала одна мысль-желание, вернуться в прошлое и изменить свою как-то криво сложившуюся на удивление серую жизнь...

Вот он дошел до центра и встал на центральный камень. В следующий момент Василий ощутил себя невесомым, а потом его словно начало высасывать из тела. Мгновение и Василий Васильевич Орлов рухнул, как подкошенный.

Первая часть. Дела домашние

Глава 1. Вселенец

1

Открыв глаза, Василий Орлов увидел все то же северное сияние, прекрасное и торжественное в своей величественности, не хватало только музыки под стать, что-нибудь симфоническое... а-ля «Имперский марш» из «Звездных войн».

В первый момент он даже подумал, что ничего страшного не произошло. Ну впал-таки в кататонию, но ведь вышел. И только спустя бесконечно долгие мгновения до него, как до жирафа стало доходить, что обстановка вокруг радикально изменилась.

Во-первых, лежит на чем-то относительно мягком, а под этим нечто ветки шуршат, и чем-то укрыт, не то одеялом, не то еще чем-то.

Из первого пункта вытекало, во-вторых, он на поляне не один.

«Логично в общем-то, – отстраненно подумал Василий. – Раз я не в круге-лабиринте и накрыт чем-то, то значит ме-

ня кто-то обнаружил и позаботился, и этот кто-то все еще здесь...»

Но потом до него словно открываясь слой за слоем стало доходить некая неправильность обстановки. Для начала запах. Густо воняло лошадьми, а именно лошадиным потом, дерьмом и мочой. А так же специфическим запахом шкур.

Собственно, как стало ясно еще чуть позже, он лежал на попоне или потнике – войлочный плед что кладут на коня, перед тем как накинуть на его спину седло. Укрыт же бараньей шкурой. Что уже странно, можно даже сказать подозрительно.

Краем глаза заметил довольно большой костер и множество людей. Ну как множество? С дюжину точно видел. Видел и лошадей, меланхолично щиплющих травку.

Люди, молодые и в возрасте под сорок, но все с бородами, даже молодежь, что-то пили, ели, о чем-то переговаривались, иногда посмеивались, но разобрать слов Орлов почему-то не мог.

«Что за ерунда? – удивился он. – Реконструкторы что ли какие-то?»

Подумать так немудрено, ведь люди оказались облачены в широкие штаны, какие-то тулупы, армяки или что-то подобное, темного цвета, вроде бы синие, а на головах какие-то несуразные шапки-папахи с красными тумачами, такими ночными колпаками.

«А вон у того вообще шашка на боку болтается», – отме-

тил Василий.

Видел он и ружья с кремниевыми замками поставленные пирамидой, а так же длинные пики прислоненные к некоторым деревцам.

Орлов и сам не являлся новичком реконструкторского движения, причем стоял у самых его истоков еще в СССР. В конце восьмидесятых в начале девяностых стало популярно «индейское движение», в котором состояли еще его родители, то есть одевались как индейцы, делали украшения своими руками, даже национальную индейскую избу собирали... фигвам называется.

Это уже потом пошли все эти викинги с рыцарями, римские легионеры, а так же наполеоновская тема, ну и конечно Вторая мировая.

Василий по инерции везде успел поучаствовать, даже на слеты толкиенистов пару раз заносило с этими эльфами и гномями, пока движения не встали окончательно на коммерческие рельсы, а как известно, куда приходят деньги, оттуда уходит душа. Ну и просто из возраста вышел, хотя таких старичков как он там хватало с избытком.

– Не понял...

Мысли от реконструкторов перешли на вещи, лежащие возле его тела, что он только сейчас заметил. А именно шашка, кинжал, пара кремниевых пистолетов чудовищного калибра, рядом лежала седельная сумка, явно не пустая.

Это было уже странно. Ибо непонятно, зачем складывать

рядом с ним этот реквизит?

«Или просто кто-то рядом сбросил свои вещи?» – подумал он.

– Ч-черт...

«Эти реконструкторы дореконструировались до того, что вшей целенаправленно разводят?!» – возмутился Василий, когда почувствовал, что его в районе шеи укусило это мерзкое насекомое.

Почему именно вша? Да потому, что время года такое, что другие насекомые сейчас практически неактивны, а только те, что на человеке паразитируют. Разве что еще комары, но это явно не они, не было характерного писклявого жужжания, разве что он несколько оглох...

Орлов инстинктивно почесал место укуса, а в следующий момент напрочь забыл про вшей и все остальное.

Рука была не его.

«Оп-па-на... приплыли...» – тягуче проползла тяжелая мысль.

Света костра и северного сияния хватило, чтобы четко увидеть несоответствие реального с ожидаемым. Кисть на вид оказалась крупнее, ладонь шире, а пальцы короче и мозолистые, Орлов даже потер пальцами друг о друга. Сам-то он тяжелее компьютерной мышки ничего не брал в качестве инструмента.

Инстинктивно провел ладонью по лицу. Оно тоже оказалось чужим. Сразу же дали о себе знать пышные усы, кото-

рых он никогда не носил, а так же внушительные бакенбарды.

Само лицо круглое и несколько пухлое, а не вытянутое и худощавое. Прическа тоже сильно отличалась, в том смысле, что вместо короткого ежика, довольно лохматые кудри темного цвета вместо его русых волос.

– Дела...

Уже как-то вскользь заметил, что на нем рубаха из льняной ткани, а сверху сюртук из какой-то грубой того же синего цвета ткани, чуть ли не мешковина с очень крупными металлическими пуговицами.

«Мечты, что называется сбываются... – горько и даже несколько истерично подумал Орлов. – Хотел попасть в прошлое? Ну так ты попал... Ну а то, что хотел в собственное детство и своем теле очутиться, а в итоге улетел несколько дальше по времени и в чужую тушку угодил, ну так что ж... накладочка вышла у мироздания, бывает...»

Оставалось только радоваться, что лежит в сторонке от общей массовки и никто не заметил, что он очнулся. Василию требовалось некоторое время для принятия самого факта попадания, ну и как-то сориентироваться в ситуации, выстроить какую-то линию поведения.

С последним было хуже всего, ведь он ничего не знал о реципиенте. Какого-то присутствия хозяина тела он тоже не ощущал. Не была доступна и память реципиента, но ему очень хотелось верить, что это все же временно и доступ к

информации он все же получит.

О том, чтобы признаться, что он вселенец из будущего, даже мысли у Орлова не возникло. Ничего хорошего его в таком случае не ждало. На костре может и не сожгут, хотя не факт, но и на свободе не оставят, запрут в монастыре на хлебе и воде и начнут изгонять беса, а уж какими методами, так это даже лучше не знать.

«Отыгрывать беспмятного? – лихорадочно размышлял он. – А с чего бы я эту память вдруг потерял? Голова вроде целая...»

Вариант был крайне слабым, еще и потому, что если бы реципиент реально потерял память, то говорить он все равно стал бы как раньше, а Орлов местного наречия не разумеет.

«Разве что еще и немым до кучи прикинуться да язык со временем выучить? Благо у меня с этим проблем не возникнет, пара месяцев и буду записным аборигеном... – мелькнула дополнительная спасительная идея. – Нет, это вообще уже ни в какие ворота не лезет. Окончательно запишут в помешанные и тогда придется валить из родных мест, далеко и быстро. Все бы ничего, но не имея никого за спиной по жизни ничего не добиться, ни в мои времена, ни тем более сейчас. А сейчас судя по всему у меня неплохой стартовый капитал, даже если я простой воин, глупо его потерять и все начинать с нуля. Так что даже с памятью нужно извратиться, но вывернуться!»

– Стоп... без паники... – сказал он себе. – Попробуем кое-

что из ментальных техник... Авось поможет?..

Орлов, усилием воли подавив в себе душевную сумятицу, вспомнил о самогипнозе, что его по жизни раньше хорошо выручал.

«И что в конечном итоге закинул меня сюда... – пробурчал он мысленно. – Хотя без этого долбанного круга, да еще в сочетании с северным сиянием явно не обошлось...»

Василий невольно задумался о том, что можно попытаться вернуться.

«Если есть куда... – резонно засомневался он в такой возможности. – Вдруг я там умер? В лучшем случае попаду в другое тело. Вот только, кто сказал, что следующий вариант окажется лучше нынешнего? Это тело хоть молодое, здоровое и сильное, а могу попасть в дряхлого калеку старика-шамана, да еще в более глубокую эпоху, в седое средневековье. А то и вовсе в каменный век... Оно мне надо? Оно мне сто раз не надо... разве что совсем припрет».

Выбросив лишние мысли из головы, Василий начал мысленно зачитывать мантру впадая в состояние отрешения, но с фиксацией задания на раскрытие памяти тела.

Несмотря на все с ним произошедшее, а так же тревожную окружающую обстановку из-за опасения, что его в любой момент могут попроведают и сбить с настроя, самогипноз у Орлова получился как по маслу, так легко и быстро, как в прежней жизни не всегда получалось даже в идеальных условиях и внешних вспомогательных факторах (специаль-

ная музыка и медиатор-концентратор в качестве которого у гипнотизеров выступает какой-то предмет на котором концентрирует внимание «жертвы»).

Хотя в его случае в качестве такого медиатор-концентра-тора выступало северное сияние, что продолжало переливаться в небесах. Ну и место тут надо полагать было не из простых, как-то воздействующего на мозг, что облегчило процесс самогипноза. Может какая-то магнитная аномалия, тектонический разлом, что выдает некие колебания специфической частоты или еще что-то в этом роде. Культовые сооружения где попало как правило не возводили.

«Кто я? Чье тело занял?» – вопрошал себя Василий Орлов на каком-то ином слое сознания.

И ответ вместе со вспышкой всепоглощающей боли был получен, причем в полном объеме.

2

– А-а-а!!! – в голос заорал Василий, обхватывая и с силой сжимая голову руками, словно боясь, что ее сейчас разорвет на несколько частей.

Хлынувшая бурным потоком информация – память реципиента, чуть не раздавила его подселившуюся сущность. Но не раздавила и он в одну секунду воспринял ее и узнал, кем является его реципиент, его чувства и желания.

А тело и впрямь попало простое. Уж точно не просто-

го война.

Реципиент оказался его полным тезкой.

«Может из-за того и произошла накладка с пересылкой памяти, – подумал он невесело. – Сбойнула почта небесной канцелярии...»

Казак, двадцати пяти лет от роду, собственно именно сегодня восьмого сентября тысяча восьмисотого года ему и исполнилось четверть века.

Пробежавшись по военной карьере реципиента Василий только мысленно присвистнул. Она даже не шла, а летела, причем на реактивной тяге!

Поступил на службу в тринадцать лет – первого января 1789 года простым казаком.

Четвертого октября того же года становится сотником!

Сотник в четырнадцать лет, Карл!!!

Служил на границе с Турцией, понятно, что не «в строю», а этаким аналогом юнги на флоте, то есть принеси-подай пошел на фиг, то есть посыльным-курьером, иногда дозорным на относительно спокойных участках границы которые тоже без присмотра не оставить, ну и еще немного разведчиком и то его скорее обучали в процессе.

В девяностом году переводится в разъездной казачий полк своего отца стоявший в Санкт-Петербурге, и 19 мая девяносто первого получает чин есаула, капитан в переводе на армейский язык.

А в 1792-м становится войсковым старшиной – сиречь

майором.

Его отец к этому моменту как раз добился того, что казачьи звания были приравнены к армейским, а это и деньги, и соответствующее положение в светском обществе.

В столице Василий Орлов знакомится со знаменитым поэтом и сенатором, тайным советником Державиным Гаврилом Романовичем, заметившего сего подающего надежды юноши, коему порекомендовал продолжить прерванное обучение, что тот и сделал, поступив в частное учебное заведение, что ему оплатил небедный дед.

Хоть обучение давалось ему без особых трудностей, его пришлось прервать из-за начавшейся в 1794 году очередной войны с Польшей (двух лет не прошло с предыдущей) в которой он принял участие в составе одного из пограничных кордонов, формировавшихся из казачьих полков атамана Краснова.

Собственно, и сейчас Василий Васильевич находился в разъезде, лично осматривая территорию на границе с Литвой у побережья Балтийского моря которую ему предстояло контролировать... Где ему и попался сей злосчастный круглабиринт.

«Однако ж не только во времени перенесло, телом поменяло, но еще и в пространстве, – подумал Василий-вселенец. – Может они предназначены для связи между шаманами, что жили на берегах этих морей? Только мы сунулись в тонкий механизм как идиоты, вот нас и приложило...»

Впрочем, думать дальше на эту тему он не стал. Продолжил дальше вспоминать вехи карьеры реципиента.

В 1798 году Василий Орлов получил звание подполковника.

А год назад в 1799-м 3 июля стал полковником.

Каково!

Впрочем, в эти времена таким быстрым карьерным ростом никого не удивить. Видали и стремительнее. Шутка ли, во времена правления Екатерины Второй получило широкое распространение такое явление, когда только что родившихся младенцев записывали в какой-нибудь полк и к 16-ти годам они уже становились капитанами. То-то они даже карты читать не умели и путали реки с дорогами. Офицеры в России были самыми безграмотными в Европе.

Ну ладно, это обычные дворяне. У казаков такого безобразия не наблюдалось. Но и это не являлось помехой для быстрого роста в чинах. Взять того же знаменитого Матвея Ивановича Платова, ставшего полковником в девятнадцать лет!

Конечно, не всем так везло. Карьера Василия Орлова неслась вскачь не только из-за усердия самого реципиента, (мало ли таких усердных?), но и благодаря тому, что отцу Василия атаману войска Донского генералу от кавалерии Орлову Василию Петровичу благоволил сам император Павел Первый. Ну и не будем забывать про деда по материнской линии Федора Петровича Денисова, что так же был обласкан

императорским вниманием, хотя и без опалы не обошлось. Но Павел такой Павел...

Василий, покопавшись в памяти разузнал все об отце реципиента и его деде.

«Монстры!» – восхитился он их биографией.

Восхищаться там действительно было чем.

Орлов Василий Петрович, начал службу в 1764 году в 19 лет. Благодаря своему недюжинному уму и беззаветной храбрости, Орлов быстро повышался по службе и десять лет спустя был уже войсковым старшиной и командовал одним из донских казачьих полков; в марте 1776 года он был произведён в премьер-майоры, а 13 декабря 1784 года – в подполковники.

Участвовал в двух войнах против турок с 1768 по 1774 и с 1787 по 1792 годы.

Получил множество наград и премий: Орден Святого Георгия 4-й ст. (1787), Орден Святого Георгия 3-й ст. (1789), Золотое оружие «За храбрость» (1789), Орден Святого Владимира 3-й ст., Орден Святой Анны 1-й ст. (1797), Орден Святого Александра Невского (1799), Орден Святого Иоанна Иерусалимского.

Еще больше стал знаменит его дед, первый граф из казаков Федор Петрович Денисов. Героический и даже какой-то бесшабашной храбрости человек, о таких говорят «гвозди бы делать из этих людей». О его похождениях можно было бы написать увлекательный военно-приключенческий роман

(и даже удивительно, что до сих пор не написали), ибо то, что с ним происходило, и что делал он сам в реальности, не сразу и нафантазируешь даже при самой буйной фантазии.

1 февраля 1756 года в возрасте 18 лет был записан в число служилых казаков, причислен к Атаманскому полку и поступил в полк, содержащий пограничные караулы на Оренбургской линии. Произведённый 20 марта того же года в полковые есаулы, он в 1763 году перешёл с полком в Кизляр.

Когда казаки были вытребованы с Дона в армию Румянцева, действовавшего против турок, Денисов добровольно отправился туда и вскоре был выбран казаками в есаулы. В первом же сражении при Ларге он оправдал этот выбор. Врубившись в турецкую конницу, Денисов зарубил 7 турок, о чём свидетелями этого подвига было донесено фельдмаршалу, который обратил внимание на лихого казака, начал давать ему ответственные поручения и, убедившись, что Денисов оправдывает его надежды, дал ему ряд наград в короткое время: 5 сентября 1770 года он был произведён в старшины, в 1773 году – в премьер-майоры, в 1774 году – в подполковники и полковники; кроме того, получил золотую медаль с портретом императрицы Екатерины II и с надписью о его подвигах.

Направленный к Измаилу, он разбил 6-тысячный турецкий отряд, вышедший из крепости ему навстречу, и захватил 1700 пленных и 12 знамён; 22 сентября 1770 года взял крепость Татар-Бунар, захватив в ней 23 пушки и 15 знамён,

затем разбил турок при устье Дуная, взяв 12 знамён, и участвовал при взятии крепостей Аккермана, Тульчи (в 1770 году), Бабадага и Исакчи (в 1771 году).

В 1772 году он снова разбил турок при Горы-балах, отняв 4 пушки и 17 знамён, и при взятии Силистрии был впервые ранен пулей в ногу.

В 1773 году участвовал в поражении турок у озера Карасу, причем взял много пленных, 5 знамён и 8 пушек и под Варной снова был ранен пулей в грудь. Произведённый в том же году в майоры армии, Денисов в 1774 году разбил под Силистрией корпус Кара-паши, взял его лагерь, 2 пушки и 9 знамён; двигаясь затем к местечку Базарджику, он атаковал 7-тысячный конный корпус Черкеса-паши и, гоня его, смял 13-тысячный турецкий отряд у Базарчука, захватил лагерь, 12 пушек и 13 знамён; 15 июня того же года Денисов вторично разбил Черкеса-пашу у Ени-Базара, захватив 4 знамени, 17 июня разбил под Шумлой 17 тысяч турецкой конницы и, направленный затем к Балканам, прогнал за них Юсуфа-пашу, причём был ранен пулей в левый бок. Вернувшись после сего к Шумле, принял участие в отражении вылазки из неё турок и снова был ранен двумя пулями в левую ногу. Вынужденный вследствие многих ранений оставить на время строй, Денисов, по окончании 1-й турецкой войны, награждён был 10 июля 1775 года орденом Георгия 4-й степени.

В течение одной лишь этой войны с Турцией Денисовым было взято всего у неприятеля 2797 человек пленными, 108

знамён и 68 пушек. О храбрости его создались легенды, и прозвище «Денис-паша» наводило ужас на турок.

По выздоровлении от раны и при занятии полуострова Крыма, Денисов в 1779 году снова появился на театре военных действий, на этот раз в Крыму против бунтовавших татар, в 1780 году был вызван в Санкт-Петербург, а в 1783 году снова отправлен в Крым, в помощь Суворову.

За многие отличия по службе Денисов в 1784 году произведён был в бригадиры, а 30 мая 1787 года в генерал-майоры а также получил золотую саблю с бриллиантами и надписью «За храбрость».

Денисов принял участие и во 2-й турецкой войне. Как один из наиболее отличившихся на штурме Очакова в 1788 году, Денисов был отправлен Потёмкиным в Санкт-Петербург «с регалиями».

Императрица Екатерина II, придавая большое значение ведшимся в то время военным действиям со Швецией, отправила Денисова в действующую армию. Денисов и здесь покрыл себя славой, разбив шведов у деревни Кире при переправе у Парусальми, при деревнях Капиасы и Кутти, на реке Кюмень и у кирки Вилькеной. В последнем деле противником его явился сам шведский король Густав III, стоявший во главе 7-тысячного корпуса. На вопрос императрицы Екатерины, как он, Денисов, осмелился со своими малыми силами напасть на самого короля, Денисов ответил: «Смелость отворяет широкие ворота к победе».

В эту кампанию Денисов был снова дважды ранен тремя пулями в левую ногу и левую руку. Здесь Денисов неоднократно проявлял присущую ему отвагу и распорядительность; однажды в стычке со шведами, раненый пулей в руку он не оставил поля сражения и тут же приказал врачу вынуть пулю и после операции тотчас же сел на лошадь и стал распоряжаться расстановкой орудий на возведенных, по его приказанию, батареях. Наградой Денисову были вторая золотая сабля с бриллиантами и ордена св. Владимира 2-й степени в 1789 году, св. Анны в 1790 году и Белого Орла в 1793 году. Кроме того 9 июня 1789 года Денисов был пожалован орденом св. Георгия 3-й степени.

Излечившись от ран, Денисов в том же 1790 году был послан в Речь Посполитую (Польша и Литва) и с началом там военных действий был поставлен во главе передового отряда.

В 1794 году он противостоял войскам Тадеуша Костюшко. Прибыв к действующему корпусу, стоявшему недалеко от Кракова, Денисов, узнал, что в 10 верстах от него сосредоточены главные силы противника. Желая сразу поразить их, он разделил свой отряд, состоявший из 3500 человек, на две части; одну повел в обход слева, а другую вверил генералу Тормасову. Последний не дождался условленного сигнала, преждевременно атаковал поляков и был разбит. Однако, Денисов не смутился этим; не дав опомниться полякам, он напал на них и вознаградил потери своего корпуса блестя-

щей победой. Действия Денисова награждены были орденами св. Александра Невского и св. Георгия 2-й степени

Приняв участие в сражении при Мацеёвице, захвате в плен Костюшко и взятии варшавского предместья Прага, Денисов был послан Суворовым преследовать польские войска Вавжецкого, ушедшие из-под Варшавы, и, нагнав их у Опочно, один, с казаком, явился к Вавжецкому и, объявив ему, что он, Денисов, арестует его, отвёз к Суворову.

1 января 1795 года произведён в генерал-лейтенанты и зачислен в Свиту.

Император Павел I в 1798 году назначил Денисова командиром лейб-казацкого полка, 26 февраля того же года произвёл в генералы от кавалерии и в следующем году назначен инспектором Кавказской линии и Астраханским военным губернатором, с оставлением в должности командира лейб-казацкого полка, а затем ему приказано было взять в своё командование 28 казачьих полков, расположенных на западной границе, «для исполнения порученного». В чём заключалось это поручение, осталось неизвестным.

Когда начались приготовления к войне с Францией, Суворов, высоко ценя военные дарования Денисова, рекомендовал императору назначить его командующим корпусом, направленным в Швейцарию, но император Павел предпочёл генерала Римского-Корсакова. Государю, однако, пришлось убедиться в ошибочности своего выбора. Обсуждая однажды с Денисовым положение дел в Швейцарии, Павел раз-

гневался на Денисова и воспретил ему приезд ко двору за то, что последний высказал уверенность в поражении Римско-го-Корсакова, если он не изменит растянутого расположения своих войск. События оправдали предсказания Денисова и подняли его в мнении государя.

4 апреля 1799 года Денисов был возведён со всем своим потомством в графское достоинство, но через год, в марте 1800 года, отставлен от службы «за проволочку препорученного ему дела по комиссии военного суда».

«Жаловался на серость своей жизни? – самоиронично подумал Василий. – Теперь ярких красок будет хоть отбавляй!»

Кстати, еще немного о внешности. Василий Васильевич оказался ярким свидетельством смешения генотипа. Так его отец был низеньким и полненьким, этаким колобком, но подвижным словно шарик ртути, за счет чего собственно и выжил в лихих рубках с врагом.

Дед же, в которого пошла его дочь – жена Василия Петровича, достаточно высокий, худой и жилистый. Так что сам реципиент оказался чуть выше среднего роста и среднего телосложения. На лицо пригож (в отличие от отца и деда, что оба были прямо скажем не красавцы), в общем барышням нравился и имел у них большой успех.

«Вот они настоящие супергерои, – подумал вселенец. – Зная их биографии особенно остро понимаешь, каким же суррогатным дерьмом забивают головы молодому поколению в мое время... всеми этими бетменами, человеками па-

уками и муравьями, а также капитан-пиндостан...»

3

После крика Василия к нему со всех сторон метнулись сразу все казаки, тут же плотным кольцом обступив лежанку.

– Очнулся Василий Васильевич! – с нескрываемой радостью и облегчением воскликнул упавший рядом на колени старый по местным меркам, сорок два года, урядник Онисим с окладистой бородой от которого сильно несло табаком.

Так же радостно загалдели молодые казаки из специального отряда, что собрал как раз для таких своих разведывательных рейдов полковник Василий Орлов.

– Очнулся...

– Что ж ты так? Неужто падучая с тобой приключилась?

Онисим будучи из простых, вел себя довольно свободно с полковником ибо выполнял роль своеобразного дядьки, приглядывая за сыном войскового атамана, по его же поручению. Заодно отрядом специальным рулил в который набивались молодые и многообещающие казаки, но из бедных семей. Свита или личная дружина опять же на которых можно положиться в любом деле...

– Нет. Никакой падучей у меня нет, – резко ответил Орлов.

Оно и понятно, пойдет слух, что у тебя падучая и все... можно уходить в отставку и жить в деревеньке, барашков или

там лошадок разводить. О достойной жене из знатной семьи можно сразу забыть. Репутации будет нанесен чудовищный урон, который уже никак не исправить. Слухи, особенно если их станут подогревать враги ради каких-то своих интриг, а врагов у всех всегда хватает с избытком, штука такая... липучая, не отмыться.

– Сами должны понимать, как бы ни любили меня отец и дед, а позориться бы так не стали посылая падучего в войско да по службе двигая... сидел бы сейчас дома на печи.

Василий с помощью урядника принял сидячее положение с радостью отмечая, что никаких нехороших симптомов вроде головокружения или слабости в теле не наблюдается.

– А что же тогда случилось?

– Не знаю... Место тут не простое, – решил свалить все на круг-лабиринт Орлов.

Отказавшись от помощи Онисима, что порывался ему подсобить, он встал со своей лежанки и пошел к костру, где присел на бревнышко. Тело при этом слушалось отлично.

Людей же следовало отвлечь от темы падучести, переведя стрелки на непознанное. Хроноаборигены в такую версию по его мнению поверят с готовностью. Тут и не в такое верят. До сих пор в чертей, русалок, леших да домовых верят.

– А что я тебе говорил Василий Васильевич?! – не унился урядник-нянька. – Не надо было ходить туда... бесовское место...

Орлов вспомнил, что Онисим и впрямь возражал против

остановки у круга на ночевку.

– Ничего оно не бесовское...

– А то какое же?! Вошел в него, прошелся по тропинке и опал как лист, словно хребет из тебя вынули! Мы уж думали, что все... прибрал тебя Господь. Кинулись к тебе, ан нет, дышишь, только без чувств... Сомлел стало быть...

– Извини что так испугал...

Орлов мысленно усмехнулся. Психологическое состояние урядника можно понять. Случись что с подопечным и он огреб бы так от отца и дела, что потом не разрасти. И еще неизвестно, кто оказался бы более злобным мстителем, отец подопечного или же его дед, что во внуке души не чаял видя в нем продолжателя своего рода и графского достоинства о чем не раз упоминал уже хотел по этому поводу подавать прошение императору, да в опалу попал, оно и понятно, ему самому сыновей бог не дал. И ладно бы в бою слег, то дело понятно, на все воля божья, но не так... в круге бесовском.

«Надо этот момент не просто дезавуировать, но более того, как-то в свою пользу повернуть, – озабоченно подумал при этом Василий. – Казаки по большей части люди темные, в приметы и прочую муть верящие, как никто другой, так что если пойдет слух, что я на бесовском круге чувств лишился, то может плохо для меня в будущем повернуться. Выкрикнет кто-нибудь в горячке во время какой-нибудь сложной ситуации, что, а не бесы ли тобой верховодят? Не на смерть ли нас ведешь в уплату дьяволу душами христианскими? Ну

или еще какую-нибудь подобную ересь родят. Оно мне надо? На всякие глупости у людей память долгая. Это добро они быстро забывают. На этой почве могут еще и церковники докопаться...»

Казачки хоть и успокоились, но продолжали с некоторым настороженным интересом поглядывать на своего командира и это Василия нервировало. Но тут ему в голову пришла если не блестящая, то вполне приемлемая идея, что позволяла если не нивелировать произошедшее, то по крайней мере повернуть ее в свою пользу.

– Круги эти нашими предками поставлены, викингами или варягами, теми, кого мы знаем как характерников...

Казачки совсем замерли, а некоторые даже придвинулись поближе, явно заинтересовавшись темой. Оно и понятно, характерники люди легендарные и загадочные. Много о них ходит былей и небылиц и уже не понять, где чего больше.

– А варяги наши предки? – спросил приказный Михаил, молодой подающий большие надежды казак, вот и первое звание заслужил в свои девятнадцать лет, служа всего год.

Для того у кого нет за спиной влиятельных и богатых родственников, что могут замолвить словечко, да позолотить чью-нибудь волосатую ручку, весьма неплохое начало карьеры, учитывая, что служба сейчас довольно тихая, поляки-то притихли, после того, как их в очередной раз отметили. Пластун каких поискать, невысокий но очень верткий, мало кто с ним мог справиться.

– В том числе, – кивнул Орлов. – Казаки до недавнего времени чубы носили, так это от них повелось. Слышали наверное о таких людях древности, как конунг Рюрик, Аскольд и Дир, а уж про Вещего Олега думаю вообще все знают.

Казаки закивали.

– Царьград ходил воевать! – выдал кто-то знающий.

– Верно. Вот он и был таким характерником. Провидцем.

– А что круги-то эти?.. – спросил двадцатилетний Уил, калмык, отменный лучник за что собственно и был приближен Василием, потому как иногда может потребоваться использование бесшумного оружия. – Зачем они?

– Круги ставили в былые времена на местах силы, где характерникам особенно легко давались их ритуалы, усиливали их возможности, очищали свою душу от враждебных проклятий, избавлялись от злых духов-паразитов цеплявшихся во время походов в море, и даже исцелялись телесно... – на ходу придумывал Василий, валя все в кучу, по принципу «кашу маслом не испортишь».

– А ты зачем туда полез если знал, что там такое место силы? – вновь недовольно проворчал Онисим набивая трубку ядреным табаком. – Наверняка ведь чтобы взаимодействовать с этой силой учиться нужно... Это ведь все равно как несмышленому сесть на дикого коня... вмиг сбросит и затопчет. Что с тобой чуть и не произошло...

– Прав ты... во всем прав, – показательно повинулся Орлов. – Вот только видишь ли какое дело... я как бы тоже ха-

рактерник... слабенький правда.

И тут Василий вспомнил из чужой памяти, что в роду Орловых по легендам и впрямь имелись характерники, правда об этом предпочитали сильно не распространяться. У казаков к ним было странное, какое-то двойственное отношение, уважительная опаска. Вроде и полезные члены общества, как ни посмотри, много знают, умеют, но в то же время имело место быть некоторое отчуждение. Люди не любят тех, кто сильно от них отличается. Опять же с точки зрения Церкви их сила имела, скажем так, сомнительное происхождение – ведьмаки.

– Правда, что ли?! – аж слегка отшатнулся урядник.

– Правда. Много слышал о таких местах и вот оказался возле одного из них. Вот и не утерпел. Сам понимаешь, находиться от места силы на расстоянии вытянутой руки и не попробовать...

– Ну да... это наверное, как от девки на все готовой и уже подол задравшей отказать...

Казаки такому сравнению жизнерадостно засмеялись.

– Верно подметил Онисим. Вот и я не смог от такого отказать.

– Слаб человек, – пыхнув только что раскуренной трубкой, философски заметил урядник.

– Верно.

– А в чем твоя сила, господин полковник? – с жадным любопытством спросил Михаил.

И остальные казаки аж наклонились навстречу с блеском в глазах, желая оказаться в числе посвященных в тайну. Их буквально распирало от любопытства.

И это было Василию на руку. С такими легко внушаемыми людьми легче работать.

– Как и у Вещего Олега, в прорицании, – сказал Василий, решив выжимать из ситуации максимум возможного.

Тут на поляне возникла абсолютна тишина, казалось, казаки даже дышать перестали, только дрова потрескивали.

– Видели что-то?.. – с придыханием прошептал кто-то из молодых.

– Видел.

– И как оно там в будущем? – медленно произнес пришедший в себя урядник Онисим, пристально взглянув на Орлова.

– Если в целом, то хреново и чем дальше, тем хреннее.

– Далеко увидел?

– До две тысячи двадцатого года от рождества Христова.

– О-о-о!!! – пронесся по поляне общий протяжно-восторженный стон.

– Далеко...

– И что будет? – снова спросил Онисим.

– Как я уже сказал, хреново будет, – с тяжелым вздохом и хмурым видом, произнес Василий. – Россия сначала разрастется до одной шестой части всей суши планеты, а потом сожмется до пределов столетней давности. Будет много войн

и казачество наше практически исчезнет...

– Что?! – схватился за кинжал урядник и даже вскочил с бревна.

– Я сказал, что увидел.

Тот кивнул и снова сел.

– Цари изведут?

Намек явно на недавние казацкие бунты, жестко подавленные властью. Последний случился в тысяча семьсот девяносто втором году прозванный Еслауловским бунтом. А раз случалось раньше, то логично предположить, возможно повторение в будущем. Власть при этом мало-помалу прижимало казацкие вольности. Вот уже и войсковых атаманов назначают императоры, а не выбирают казаки.

– Нет... Царей самих изведут...

– Кто?

– Крестьян помещики зажмут так, что они в конце концов не выдержат таких издевательств и устроят такой бунт, бессмысленный и беспощадный, что просто взорвет государство на части. По сравнению с ним пугачевское восстание покажется просто легкими волнениями недовольных...

– Ох ты господи...

Да, Пугачев еще был памятен в народе.

– А поскольку мы к тому времени станем верной опорой трона...

Брови урядника взлетели от удивления вверх.

– Да-да, сейчас в это еще трудно поверить, но так будет,

сам видишь Онисим, все к тому идет.

– Чего только в жизни не бывает... – кивнул тот, показывая, что принял информацию.

– Ну а раз так, то и нас заодно придавят.

– Действительно, хреноее некуда... – подавленно про-
бормотал урядник. – Не пошло значит аристократам впрок,
не сделали выводов.

Все сидели как громом пораженные. Сказанное полковником оказавшегося еще и характерником-провидцем действительно выбивало из колеи. И ему поверили. Безоговорочно. Таким просто не шутят.

– Не сделали, – кивнул Орлов. – Сделали только еще хуже, сначала народу, а через это самим себе.

– Ну да, как аукнется, так и откликнется. Ну ладно... а что в ближайшем будущем? – выдавил из себя урядник, оклемавшийся быстрее прочих.

– В общем тоже не весело. Через несколько лет вновь все в политике перевернется с ног на голову, – Онисим с кривой улыбкой понятливо кивнул, видимо несправедливо подумав на непредсказуемого самодура императора Павла Первого.

Хотя как раз про убийство нынешнего императора Василий ничего рассказывать не собирался. Такая информация могла больше навредить во взятии этих людей под контроль. Она словно как камешек в сапоге при ходьбе будет мешать, напоминая о себе, сбивая настройки.

– Начнется война с Францией. Точнее даже не столько с

ней, сколько со всей Европой за исключением Англии. Но те на острове своем сидят... Бонапарт догрызет одно государство за другим и собрав армию в шестьсот тысяч человек пойдет в Россию.

Над поляной поднялся тревожный гул.

– Сколько?! – ахнул кто-то потрясенно.

– Шестьсот тысяч?!

– Ужас-то какой!

– Орда!

Все прекрасно понимали мощь такой армии и что против нее российскому войску будет практически нечего противопоставить.

– И что?.. – напряженно спросил урядник от волнения аж забыв о трубке.

– Мы все-таки одолеем супостата, – продолжил Василий Орлов, после того как казаки немного успокоились.

– Неужто?! – не поверил кто-то. – Шестьсот ведь тысяч!..

– Да. Дойдут до Москвы и спалят ее к чертям собачьим...

Казаки практически синхронно перекрестились при поминании нечистого. Перекрестился и Орлов, ругнувшись про себя, что с языком ему надо бы поаккуратнее места.

– Более того, мы в ответ дойдем до Парижа, так что парни, можете начинать учить французский.

– Зачем? – удивился кто-то.

– С тамошними барышнями общаться, – усмехнулся на это Василий Васильевич.

– А мы без слов! Сразу к делу! – сказал Михаил.

Кзаки засмеялись на слова приказного, полностью его поддерживая.

– Очень не советую. За такое вас подвешат высоко и коротко на ближайшем дереве или расстреляют у ближайшей стенки. Наша знать очень уважает, можно даже сказать преклоняется перед всем европейским. Оно и понятно, чуть ли не половина дворян с корнями оттуда. Так что в угоду европейцам, чтобы казаться европейцами больше чем сами европейцы нас диких азиатов будут крепко держать в узде.

– Знамо дело, – фыркнул урядник вновь приложившись к трубке. – Если даже в Польше не дали как следует развернуться, то там и вовсе без хабара останемся. Так?

– Верно. Нас эти просвещенные европейцы обнесут до чиста, даже церкви ограбят, баб ссильничают без счета, города пожгут, раненых станут добивать, а нам ни-ни, да еще судить строго будут за что европейца в лучшем случае пожурят до отпустят. Так что будут у нас от этой войны одни потери и никого прибытка.

– Хрен с ней с Москвой, пусть эта деревня переросток сгорит дотла, но неужели ничего нельзя изменить? – с надеждой спросил Онисим, после короткой паузы.

– Наверное можно, но это надо менять на самом верху, так что мне придется все рассказать отцу и деду. Может они чего сделать смогут...

В то, что два казака смогут свернуть государство с пути

урядник Онисим явно не поверил и приуныл, повесив голову. Это его состояние передалось остальным.

– А про нас что-нибудь видел, господин полковник? – с надеждой спросил наказной Михаил, через какое-то время.

– Увы Мишаня... Я слабый провидец,
Казачи изумились.

– Да-да, несмотря на то, что я прозрел так далеко, на двести с лишним лет, я слаб ибо увидел только общую картину, как бы с высоты, а мелкие детали вроде наших судеб уже осталось вне моих возможностей виденья. Такое могли только очень сильные характерники вроде все того же Вещего Олега, да и то далеко не всегда.

– Понятно...

4

Орлов понимал, что сильно рискует рассказывая подробные вещи, особенно о низведении царей, если стуканет кто-нибудь и будут у него, ну очень большие проблемы. Но он решил, что такая информация наоборот должна стать своеобразной платформой, фундаментом здания верности и сплотить вокруг него этих ребят еще сильнее.

«Особенно если я это зацементирую своей второй способностью, – решил Василий. – Надо с ними поработать и внушить необходимость держать язык за зубами... Собственно прямо сейчас этим и займемся, благо обстановка и настрой

людей подходящие».

Массовым гипнозом Василий Орлов в своей прошлой жизни никогда раньше не занимался, собственно он и в индивидуальном гипнозе был слабоват в силу некоторых своих особенностей, но сейчас решил, что у него может получиться. Должно получиться.

Почему?

Во-первых, как уже он отметил, обстановка и психологический настрой людей находился в подходящей кондиции.

Во-вторых, пока общался с казаками, Василий оценил свой новый голос в различных диапазонах тембра и остался им очень доволен. Собственно лучше не придумать.

Дело в том, что в гипнозе много завязано на голос гипнотизера, его тембр, что заставляет «жертву» эмоционально буквально резонировать под его воздействием. В прошлой жизни у Василия голос был прямо скажем не очень, не фальцет конечно, но высоковатый. Трудно таким голосом, что, фигурально выражаясь, режет уши, погрузить человека в состояние оцепенения.

Голос полковника был гораздо ниже, густой бас. Им можно словно обволакивать...

Так что это все давало ему серьезную надежду на успех. Осталось только для начала завладеть вниманием людей, так чтобы отвлечь их от размышлений, успокоить души, не отвлекаться, а так же заинтересовать, добиться полной концентрации на себе.

Как это сделать?

Впрочем, долго думать над этим не пришлось, ответ нашелся сразу. Можно сказать классика попаданца.

– Давайте я вам спою... – предложил Василий Васильевич. – Казачья песня. Из будущего.

Сработало на всю тысячу процентов. Казаки петь вообще любили, особенно после хорошего застолья и выпивона, и конечно больше всего петь любили о себе. А то, что песня из будущего, так это вообще обеспечило ему аншлаг.

«Ну вот, реализую первый пункт любого попаданца, перепеваю чужие песни, пусть и не Высоцкого», – с нервной самоироничной усмешкой Орлов.

Запел «Черного ворона». Здесь можно было поиграть голосом, особенно хорошо, что песня протяжная, что уже само по себе хорошо погружает людей в состояние измененного сознания, заставляя отключать аналитический центр. Он еще в дополнение этому помог, сняв с шеи серебряный крестик и начав его раскачивать в руках по принципу маятника, заставляя людей фиксировать на нем взгляд и еще глубже проваливаться в транс...

Заставить человека что-то забыть крайне проблематично. У него останется ощущение какой-то пустоты, чувство потери. Он начнет искать, мучительно пытаться разобраться в ситуации и рано или поздно он найдет это потерянное и все вспомнит.

Так что лучше и легче заставить человека сохранить тай-

ну, замкнув это желание гипнотизера на внутренние догматы составляющие личность человека, например благородство. Ведь это же благородно сохранить тайну, что тебе доверили. Посему стоит кому-то пожелать что-то растрепать, как срабатывает закладка на благородство и потенциальный трепач с лязгом захлопнет рот.

Можно добавить чувство превосходства на сопричастность к большой тайне. Избранности.

Оставалось радоваться, что в этом отряде полковник собрал честных и правильных во всех смыслах ребят и их наставников. Откровенных подонков тут не было.

Но это конечно же только первый шаг, чтобы парни от избытка прямо-таки бурлящих чувств не растрепались о произошедшем сразу же после возвращения в полк. С ними для закрепления результата требовалось работать индивидуально. Но это позже. Василий надеялся, что у него будет на это время и место. Да и вообще он собирался сделать из этих казаков свою личную дружину.

Очнулись казаки как-то разом от резкого щелчка пальцами полковника, только не заметили этого, и невольно стали переглядываться между собой, но что-то понять и осмыслить Василий Орлов им не дал, сказав:

– А вот еще одна песня. Называется «Атаман».

Затянулась новая песня, смывая это странное чувство общей неловкости о котором они в итоге даже не вспомнили.

Глава 2. Принятие решений

1

Закончив разведку местности для определения маршрутов патрулирования казачьих разъездов, полковник Орлов вернулся в свой полк, что квартировал в нескольких местных деревеньках. Сам же Василий Васильевич со своей «бандой» обосновался в поместье одного из помещиков. Тот может и не слишком радовался «гостю» хотя встречал с улыбкой, но полковнику было на это по большому счету плевать.

«Все они тут предатели-бегунки, – с раздражением думал вселенец. – Сегодня, стоит им яйца прищемить присягают на верность российскому императору, завтра бунтуют, а послезавтра присягнут Наполеону и пойдут войной на Россию, жечь, грабить насилловать, издеваться с особым садизмом над пленными и убивать. Такие вот они просвещенные и культурные европейцы».

Приведя себя в порядок после поездки по «местным достопримечательностям», Василий заперся в занятой им комнате и стал думать думать тяжкую.

А что ему собственно теперь делать и как вообще быть?

Во время поездки как-то удавалось гнать от себя эти мысли, требовалось держать лицо дабы не выбиться из привыч-

ного казакам образа, да контролировать подчиненных, а тут в тиши и спокойствии навалилось.

А подумать было над чем. Сразу две темы глобальные имелось.

Во-первых, скорый дворцовый переворот известный как «апоплексический удар табакеркой».

На самом деле его задушат.

Во-вторых, война с Наполеоном, а по факту с первым Евросоюзом, что для России обернется громадными жертвами, и кроме морального удовлетворения от тяжелой победы она ничего не получит. Боле того, долги появятся и немаленькие.

Но она начнется только через десять лет, вроде нескоро и можно отложить размышления на эту тему на потом. Но нет, так только кажется, основа ее закладываются именно сейчас.

Классическая временная точка бифуркации, когда ситуацию относительно небольшим воздействием можно повернуть в иную сторону и в целом Василий Орлов мог произвести такое деяние. Всего-то и надо что грохнуть несколько человек... благо опыт скрытого убийства у него уже имелся. Там правда месть была, но и тут... цель оправдывает средства.

«Надо ли только? – усомнился он. – Как бы хуже не стало».

Его даже пробила нервная дрожь. Все-таки чувствовать себя вершителем судеб не просто отдельных людей, но и государств, даже всей цивилизации это... волнительно, мягко

говоря.

Ну и мысли интеллигентские полезли, дескать, а имею ли я право...

«Ах да, еще в-третьих, забыл – Индийский поход, что закончился толком не начавшись, – вспомнил Василий. – Все происходило в спешке, бегом-бегом, деньги потратили, как водится большую часть разворовали, войска тронулись, вот только идти из-за раскисших от ненастья дорог, пришлось по не намеченным маршрутам, пошел перерасход средств на приобретение продовольствие, а его нема у местных крестьян, случился очередной неурожай, голод, но тут случается переворот, и все вернули в зад».

– Вот нужен нам этот Индийский поход если Павлушу от табакерки или вовсе табуретки уберегу? Вопрос однако...

Принимать столь судьбоносные решения в одну харю было откровенно ссыкотно. Хотелось с кем-нибудь на эту тему посоветоваться, просто переложив часть ответственности на чужие плечи.

Вот только с кем?

– С отцом и дедом?

Хорошие кандидатуры, жизненного опыта им не занимать. Но тут вставали новые вопросы не имеющие четких ответов.

«А как я им объясню, откуда я это все собственно узнал? – сморщившись, подумал Василий Орлов. – Тоже вешать лапшу на уши, что видел будущее, потеряв сознание в круге-ла-

биринте? Сомнительно как-то, что они в это поверят... Это простые казаки, темные люди, скушают и не подавятся, даже добавки попросят, тем более что являлись свидетелями моего сомнения, отец же с дедом реципиента люди просвещённые, их на мякине не проведешь... им потребуется предьявить что-то более весомое. Только где я это «что-то» возьму?»

– Поверить-то они поверят, когда Павлушу согласно моим пророчествам в следующем году удавят, не так уж долго ждать осталось, да только поздно станет пить боржоми, почки уже на хрен отвалятся...

И опять полезли предательские мысли, что можно оставить все как есть и прожить в свое удовольствие хапнув где-нибудь бабла.

Дескать, ну что собственно изменится для России в глобальном плане, если спасти императора и устроить этот клятый Индийский поход? Василий был далек от мысли, что даже в случае его успешного завершения Индию удастся оторвать от Англии, да крупно напакостить можно, но оторвать – нет. Даже Франция ее не сможет удержать за собой, чего собственно и хочет добиться русскими руками.

Это как камень брошенный в воду, в ближайшей перспективе что-то может и поменяться, причем опять-таки, не факт, что в лучшую сторону, но в отдаленной «волна» затихнет и пойдёт все так, как шло в изначальной исторической последовательности.

«А это революция, где мы в совокупности потеряли под двадцать миллионов человек от боевых потерь, болезней и голода, перед этим слитая Первая мировая, а затем не менее бездарно начатая Вторая, в которых совокупно потеряли еще за тридцать миллионов, – все больше хмурился Орлов. – Стоило только пойти развитию, как приключился Великий Кукурузо (чем-то кстати напоминающий по характеру и непродуманности и непоследовательности действий нынешнего Павлушу), потом Бровастый Звездоносец усугубил, ну и окончательно все развалила сладкая парочка из Меченого и Трехпалого Мухожука, а это еще минимум десять миллионов человек спившихся, снарккоманившихся, перестрелявших друг друга в бандитских разборках и просто уехавших, которые могли бы жить, создавать семьи и рожать детей».

– Тьфу ты...

Василию остро захотелось напиться, до зеленых чертей. Но все же смог себя пересилить.

«В общем менять историю надо. Кому как не мне... раз уж именно мне выпала такая возможность, – пришел он к выводу. – И менять надо так кардинально, чтобы всего этого непотребства в будущем не случилось. А это значит, что Александра до власти пускать нельзя, ибо тут же с радостным визгом ляжет под англичан...»

Вот кстати еще одна беда российской аристократии. Все они так или иначе смотрят в рот европейцам, озабочены тем,

а что там о них скажут в Европе? И чтобы сказали хорошо со всем старанием вылизывает им задницу, аж постанывая от удовольствия, при этом себя давая иметь во все дыры. Любая группировка, все эти англофилы, франкофилы, германофилы и прочие, сольет все победы, чтобы их покровительственно потрепали по щечке и сказали «молодцы», ибо у власти кто угодно, но только не русофилы.

Павел Первый в этом плане вроде стал прозревать после суворовских походов, когда все союзники его в конечном итоге откровенно хором поимели... Но он же в силу своего взбаламошенного характера является проблемой. Ударит ему в очередной раз моча в голову и тоже похерит все что только можно и нельзя. Не выдержанный и безответственный человек с которым каши не сварить.

– И так плохо и эдак нехорошо, – мысленно сплюнул Василий Орлов.

«Привести к власти кого-то другого, Константина, больше собственно некого, благо он в прошлом году объявлен официальным наследником, а самому стать серым кардиналом? – подумалось ему. – Так это надо входить в ближний круг и стоять над душой, чтобы контролировать каждый шаг самодержца. Вот только кто меня туда пустит?»

Хотя последняя идея ему понравилась. По крайней мере она на первый взгляд казалась рабочей, и при определенных обстоятельствах вполне могла выгореть, осталось только над ней хорошенько подумать.

– Но одних моих способностей будет все же маловато... а значит Индийскому походу быть, только там можно разжиться серьезными финансами с помощью которых можно будет купить всех кого надо и сделать, что необходимо.

«Но остается вопрос с дедом и отцом. Как убедить их? – вернулся вселенец к самому неудобному моменту. – Гипноз? Но если насчет отца пусть и с трудом то наверное получится, а вот с дедом... очень и очень сомнительно...»

Как бы там ни было, а требовалось возвращаться в Петербург ибо на границе империи дел не сделать, так что Василий засел за написание писем. Одно – отцу на Дон, чтобы как можно скорее поспешил в столицу, дескать есть важная информация, а второе – деду, чтобы задействовал свои связи в военном ведомстве и под любым предлогом выдернул самого Василия в Северную Пальмиру.

2

С отсылкой писем на тот же Дон проблем не возникло. Никаких курьеров для этого не требовалось. Дело в том, что регулярно в родные станицы отъезжали казаки, выслужившие как предельный срок – двадцать лет, так и на побывку по принципу ротации. С ними отправлялись не только письма, но и различные подарки родным (те же трофеи, что все-таки удалось заныкать) и деньги.

С Петербургом же шло регулярное сообщение, отсыла-

лись отчеты, делались запросы, так что тут с отправкой личного письма тоже сложностей не возникло, всего-то и нужно что немного заплатить курьеру, чтобы он поработал почтальоном и заскочил по некоторым адресам.

Ну а пока шли письма, принималось нужное решение, что тоже не мгновенно, и шел приказ откомандировать одного полковника в столицу, Василий Васильевич время терять впустую терять не собирался.

Чем занялся?

А чем еще должен заняться правоверный попаданец-вселенец в прошлом после того, как перепоеет песни Высоцкого и не только? Ну да, прогрессорством.

Василий Орлов решил приложить свои силы в прогрессорстве вооружения. Больше собственно не в чем при его местонахождении и возможностях. Опять-таки его очень удручало местное огнестрельное оружие в плане дульного способа заряжания и скорострельности. Мрак и ужас.

Особенно все печально если все-таки Индийский поход состоится. Места те густонаселенные и если англичанам удастся спровоцировать индусов на агрессию, то аборигены их просто задавят массой, а потому нужно брать не собственным количеством, тем более что много солдат на юг все равно не пошлют, при этом как бы не половину армии придется оставить Бухарском ханстве рассадив по гарнизонам вдоль всего пути следования для безопасности пути снабжения, но качеством.

Так что нынешние фузеи никуда не годились.

Про автомат Калашникова конечно остается только мечтать, как и вообще о винтовках с унитарным патроном типа той же «берданки», но кое-что для повышения точности и скорострельности сделать было можно.

«Перво-наперво это конечно пуля Минье, – подумал Василий Орлов. – Даже если ничего не получится с модернизацией оружия, на что потребуется ну очень большие деньги, кои пока непонятно откуда взять, это уже увеличит качество стрельбы, как по точности, так и по дальности. Уж на новые пулелейки денег наскребем...»

Юбчатая пуля это конечно хорошо, но мало. Скорострельность в три выстрела в минуту и это у хороших, то есть задроченных на быстрое зарядание стрелков (так хорошо если два сделают), это ни о чем. При этом не факт что попадут в цель, ведь стреляют зачастую зажмуриваясь и отворачиваясь от огненной вспышки чтобы не обжечь морду-лица. Так что даже при стрельбе пулями Минье вряд ли процент попадания будет сильно больше чем при стрельбе круглыми, а именно пять процентов. Ну пусть десять, все-таки пуля не будет скакать в стволе бешеным зайцем, но это все равно очень мало.

Эффективность стрельбы тем более неудовлетворительная в условиях, когда будет атаковать конница или полезут из джунглей, хорошо если удастся сделать хотя бы один выстрел. А то и его не успеют и придется сразу переходить в

штыковую...

– В идеале было бы конечно сварганить барабанную винтовку на пять-шесть гнезд с капсюльной детонацией, чтобы избавиться от мешающей вспышки, – мечтательно вздохнул полковник. – Но это же какого размера получится барабан, при нынешних-то «слоновых» калибрах?!

Василий Васильевич, разглядывая собственное ружье только грустно вздохнул представив себе этот агрегат с барабаном и поморщился. Это ведь не только здоровенная по размерам дура, но еще и лишний вес, не меньше полкилограмма, тем более что по-хорошему надо с собой дополнительно таскать по два-три запасных барабана. А солдаты и так нагружены как волы и при длительном марше эти полтора кило станут совсем неподъемными.

– Нет, солдатам нужно что-то попроще. Тем более вчерашним крестьянам барабанный механизм будет лишком сложен даже самый кондовый.ломают.ломают даже то, что ломаться не должно... никакого понятия о технике.

«Разве что кавалеристам можно и даже нужно что-то подобное сбачать, – снова подумал он не желая отказываться от откровенной вундервафли в плане скорострельности. – Пусть барабанное ружье не обеспечит большой дальности стрельбы из-за неважной обтюрации, но кавалеристам далеко стрелять и не нужно, они всегда работают накоротке и вот тут просто необходима большая скорострельность. Сотня всадников с пятизарядками обеспечит пятьсот выстре-

лов, а если они при этом устроят классическую карусель или караколинг! Ух и ах! Правда с калибром все равно нужно что-то делать...»

– Хотя бы тысячу казаков нужно такими мелкокалиберными барабанными винтовками снабдить. Будет так сказать гвардия, что обеспечит огневой перевес на сложных участках. Хотя о чем это я?! – изумился Василий Васильевич. – Есть ведь Атаманский полк, вот его и вооружим...

В структуре казачьего Войска помимо строевых полков в пятьсот пятьдесят казаков, существовал Атаманский полк, так сказать подразделение постоянной боевой готовности, насчитывающий тысячу двести тридцать человек и в отличие от строевых полков Атаманский никогда не расформировывался. И он действительно являлся своеобразной гвардией, не столично-парадной, а реальной, людей туда отбирали тщательно, как по боевым умениям, так и по росту, минимальным являлся метр семьдесят восемь. Богатыри!

– Но деньги... Где же вас столько взять на все хотелки?

Ну да, мелкокалиберные стволы как бы не в разы дороже привычных сейчас «слонобоев», когда в ствол свободно пролазит большой палец.

– А зачем им собственно именно мелкокалиберные? – задумался Василий. – Может наоборот ствол сделать еще более крупного калибра, сразу до трех сантиметров? Ведь работать будут в упор, да еще на скаку, когда с точностью стрельбы прямо скажем не ахти... Тут больше подойдет дробовик! То-

гда при удаче одним выстрелом можно зацепить два, а то и три человека! Та же сотня при удаче может положить целый полк!

Эта идея Василию очень понравилась. Да, масса барабана получается еще больше, но это же не пехотинцы, а кавалеристы, так что не критично особенно если бойцов разгрузить от лишней массы, ту же пику например убрать... От таранных атак следовало отказываться. Такое копье по его мнению давно перешло в категорию анахронизма. Казаки с ними только мучаются.

– А что до мелкокалиберных стволов, то из них лучше сделать пистолеты, то бишь револьверы!

«Так, с кавалерийским огнестрелом вроде разобрались, – удовлетворенно подумал Василий Орлов. – Теперь с солдатским стволом нужно что-то придумать...»

По мнению Василия для увеличения скорострельности солдаты должны использовать бумажные патроны, без этой порнографии со скусил, сыпанул на полку, потом в ствол, забил пулю, утрамбовал шомполом... Просто вставил патрон в камору, налепил капсуль и стреляй.

– Заряжание с дула сразу отменяем. Нужно чтобы могли стрелять с колена и даже лежа., а всадники даже на коне перезаряжаться. Переломка, как у охотничьего ружья? – спросил он себя. – Просто, дешево и сердито... Но нет, нужно оставить вариант, когда с бумагой возникнут сложно и придется иметь дело с рассыпным порохом...

Василий Васильевич вспомнил разновидности казнозарядных винтовок, что появятся чрез некоторое время после наполеоновских войн. Увы, имена этих изобретателей-оружейников он не помнил (мог правда при желании выудить из памяти через самогипноз, просто не видел в этом ни малейшей нужды), но зато хорошо представлял конструкцию, где в казенной части имелся откидывающийся вверх «брусок» в который и вставлялась бумажная пуля.

– Хотя у них с обтюрацией тоже не все ладно, тем более если придётся не изготавливать с нуля, а переделывать местные стволы... это же с подгонкой каждого ружья охренеть можно! Нет... совместим обе идеи и делаем переломку, только патрон вставляется не в ствол, а в «прикладную» часть казенника. Тут и с подгонкой проблем не будет и обтюрацию приемлемую обеспечим!

При такой переделке даже ударно-спусковой механизм модернизировать почти не придется. Вместо кремния закрепить специальный ударник, что будет бить по капсюлю.

Кстати о капсюлях, а точнее о детонирующем составе. С этим никаких проблем у Орлова к его великому счастью не предвиделось. Как создать гремучую ртуть он знал прекрасно, более того знал более эффективный рецепт при этом делающий состав безопаснее. А то гремучка в чистом виде почти как нитроглицерин, вполне может детонировать от сильного ударного встряхивания. А всего-то и надо что взять тридцать пять процентов гремучки, двадцать пять процен-

тов сурьмы и сорок процентов бертолиевой соли.

Создав чертежи, Василий Орлов сначала сделал деревянные макеты револьвера, ружья-переломки и барабанного дробовика и только убедившись, что все работает отправился в полковую кузню, чтобы сделать опытные образцы для начала из бронзы, это не железо с которым много возни со сверлением, а хороший металл для отливки, останется только немного напильником шлифовать.

Стволы разве что использовал стальные. Если для переломки подошел ствол от обычной фузеи, пришедших в негодность по разным причинам хватало с избытком, так что выбор был широк, то для остальных образцов оружия пришлось изворачиваться.

Орлов бросил клич среди казаков, что ему нужно, дескать собирает необычные образцы оружия для коллекции и необходимое принесли. Даже для дробовика нашелся подходящий крупнокалиберный ствол. Один такой матерый казачина, притащил ему странное фитильное нечто с воронкой на конце дула.

– Шпанская, – любовно сказал казак. – Как жахнет картечью, прям пушка, всех на своем пути сметает точно метла!

«Кажется это называется мушкетеном», – подумал Орлов.

– Чего тогда расстаешься, коли так нравится и эффективна?

– Деньга нужна, дочери на приданое, – вздохнул казак. – Да и срок мой службы выходит...

Василий только головой покачал, глядя на этого динозавра огнестрельного оружия Наверное заставшее времена Кортеса, все еще находящееся в строю, но поскольку ствол благодаря качественной стали и хорошему уходу сохранился на удивление прекрасно, то заплатил почти не торгуясь.

Нашелся и мелкокалиберный ствол для револьвера. Кто-то затрофеил у панов детское ружье всего сантиметрового калибра. Из такого четыре револьверных ствола в итоге получилось.

«Подарю по одному отцу и деду и два мне», – подумал Василий.

Омрачало его настроение только тот факт, что все его инновации в оружейном деле стремительно утекут на запад.

Увы, Россия Василию Орлову в этом плане напоминала вечно течную суку готовую перепихнуться когда угодно, где угодно и с кем угодно. Текло везде и на всех уровнях и это неудивительно учитывая национальный состав этой аристократии не забывающих историческую родину, а то и вовсе являвшихся прямыми агентами. Но и русские были готовы на что угодно ради той же «милой Франции».

Кажется, секреты все эти дворяне не в состоянии в себе удержать как дырявое ведро воду, им даже платить не надо за разглашение секретов сами с радостью на каждом углу расстреплют, а особенно в Английском клубе, ну и про масонов всяких не забываем, члены лож работали в первую очередь на Общество Каменщиков. Болтливее русских аристократов,

наверное, только итальянцы и то не факт.

В преддверии наполеоновских войн это было весьма опасно в первую очередь для России. В любом случае противник сумеет быстро перевооружиться. Вопрос успеют ли это сделать наши или, как всегда, хлебалом будут до последнего щелкать?

– Но иначе никак... – вздохнул он.

3

Помимо оружия Василий Орлов занимался своими людьми проводя жесткое нейролингвистическое программирование на верность. Каких-то моральных терзаний полковник не испытывал, так как глубоко в их душу не лез и личности им, как это делают в тоталитарных сектах вроде Свидетелей кого-то там, не перекраивал. Просто ему требовалось, чтобы они держали язык за зубами и не смогли его предать ни при каких обстоятельствах.

Время шло и Василий начал нервничать. Потому как времени у него просто не было, а здешняя неспешная жизнь, когда на преодоление тысячи километров тратился чуть ли не месяц его выводила из себя, но увы сделать тут ничего нельзя.

А ведь он не так уж и далеко от столицы. До Петербурга курьеру скакать дней пять-шесть, столько же обратно, ну и еще сколько-то дней на решение вопроса по его вызову.

«Это если дед воспримет письмо со всей серьезностью и не станет затягивать», – думал Василий Васильевич.

Подошел к концу сентябрь. Орлов изведясь, уже собирался решить вопрос самостоятельно, обратившись с просьбой о предоставлении отпуска к генералу Краснову, благо, что находился у него на хорошем счету, но тут первого октября последовал вызов в штаб.

Из столицы наконец прибыл курьер с дозволением Василию Орлову явиться в столицу. Оставалось только гадать, чего это стоило деду ведь с марта находится в опале.

Немедля, Василий Васильевич прихватив с собой своих бойцов, одвуконь отправился в Петербург.

На дорогу ушло десять дней из-за ненастной погоды. Лили дожди и дороги сильно развезло.

«Одно плохо, письмо отцу в лучшем случае только-только добралось до адресата, а с Дона ему еще полтора месяца тащиться, если не все два по такой-то распутице...» – с сожалением думал Василий.

Впрочем, начать можно с дедом.

– Ну, здравствуй внук, – крепко обнял Федор Денисов соскочившего с коня Василия.

– Здравствуй дед...

Тут среди встречающих Василий обнаружил того, кого совсем не ожидал увидеть.

– Отец?! Как ты тут так быстро оказался?!

– Ха-ха-ха! – засмеялся Василий Петрович и дед ему вто-

рил. – Я в Петербурге уже неделю как ошивался, когда твое письмо Федору Петровичу пришло. Вот тебя решил подождать, да узнать, что с тобой такого приключилось.

– У меня-то как раз все нормально, но разговор о причинах моей просьбы по отзыву в столицу приватный...

Намекнул он на лишние уши.

– Хорошо. Тогда приводи себя в порядок после дороги, да вечером поговорим, – сказал граф.

Парясь в бане Василий Орлов в последний раз взвешивал «за» и «против». Какую причину предъявить своего отзыва, а именно мистическую или полумистическую. То есть сказать, что он видел будущее или же попробовал себя в роли характерника на одном из офицеров, который по совпадению оказался причастен к заговору против императора. Что у одной, что у другой причины имелись как свои достоинства и недостатки.

В первом случае ничего доказывать не надо, но... результат очень уж непредсказуем, пятьдесят на пятьдесят. Сейчас еще не дошли до крайней степени маразма с этими спиритическими сеансами, до них еще сто лет. Мистицизм только делает свои первые шаги и ни отец, ни дед этим не увлекаются. С другой стороны люди религиозные и на этом можно попробовать сыграть...

Во втором случае надо назвать какое-то имя связанное с заговорщиками, какого-нибудь офицера, что якобы побывал в расположении их полка, это уже реалистично. Полковник в

этом плане подготовился, пообщался с реально присутствовавшими в полку офицерами и узнал у них, кто дружен с теми же братьями Зубовыми. Но стоит только отцу или деду копнуть глубже, начать проверять, а был ли тот офицер на границе и все рухнет.

«Но не верить им мне причин нет, тем более по такому поводу... – все еще с большим сомнением думал Василий Васильевич. – Значит нужно их от этого слабого места отвлечь, сделав упор на свои способности характерника».

– Ну, рассказывай, – на правах старшего и хозяина, произнес граф Денисов после того, как раскурил трубку, когда после ужина они поднялись в его рабочий кабинет и сели за небольшой круглый столик.

– Дед, отец... в общем грешен я...

– Это ты чего там учудил, сын? – нахмурился Василий Петрович. – Панночку какую спортил от недостатка женской ласки? А теперь она беременная и требует чтобы ты на ней женился?

– Нет! – невольно засмеялся Василий Васильевич. – Ничего такого!

– Точно? А то знаю я тебя...

– Клянусь!

– Дуэлировал?! – предположил уже дед. – Убил кого-то?

– И не дуэль! Все расскажу, не перебивайте только... очень уж серьезная тема.

– Говори уже.

– В общем, как сказано в Библии, человек слаб, вот и я проявил слабость, не удержался от соблазна... У нас ведь в роду, что по твоей отец линии, что по твоей дед, были характерники, вот и я решил попробовать свои силы...

– Вот же ж! – всплеснул руками отец, по характеру являвшимися очень импульсивным человеком.

– И? – с еще более хмурым видом кивнул дед. – Каков результат?

– Получилось.

– Откуда только узнал, что и как делать?! – снова воскликнул отец.

– Знаете ведь мою любовь к книгам...

Отец и дед кивнули. Василий Васильевич Орлов действительно отличался большой любовью к чтению, чему посвящал почти все свободное время. Казаки об этом знали и всегда подносили ему в подарок раздобытые фолианты, тем более что это было отличный способ задобрить полковника если кто-то сильно накосячил.

– Ну вот, нашел я в одной усадьбе довольно занимательную книжечку по этой теме... старую, ветхую, еще рукописную. Заполучить ее правда на совсем не получилось, но прочел я ее от корки до корки и кое-что выписал для себя. Ну и решил попробовать, сначала на своих казачках потренировался...

– Вот оно как?.. И поэтому себя попросил выдернуть, чтобы сообщить нам об этом? – спросил дед.

– Нет конечно. Ради этого не стоило столько напрягаться. А стоило из-за того, что я благодаря этому своему умнею узнал.

– А именно?

– Был у нас проездом поручик Михаил Ляхов из Изюмского легкоконного полка, и вот с ним я тоже решил провести эксперимент. А то ведь одно дело наши казачки, все-таки люди темные и малообразованные и совсем другое дело дворяне, коих с детства просвещают, согласитесь совсем другое восприятие мира, вот и решил проверить так же это эффективно будет с просвещенными людьми работать или только на простых так сказать дремучих людей действует.

Отец и дед понятливо кивнули.

– Как вы уже поняли, подействовало.

– И что узнал?! – проявил нетерпение отец, аж заерзав а стуле.

– А узнал я... что состоит он в числе заговорщиков, что собираются в скором времени свергнуть императора.

– Ох ты ж! – аж вскочил Василий Петрович.

– Хм-м, действительно, – после глубокой затяжки выдавил дед. – Это стоило того, чтобы поспешить в столицу. Доверять такое бумаге опасно... Продолжай, внук. Рассказывай все что узнал.

– Да собственно это почти все, много этот поручик не ведал, мелкая ведь сошка, только догадки у него. Но что точно, так это то, что в заговоре участвуют все братья Зубовы и их

сестра Ольга Жеребцова, что как известно является любовницей английского посла Уитворта.

– Тьфу ты! – снова дал о себе знать очередным всплеском рук Василий Петрович. – Змеи подколотные! Ставлю руку на отсечение, что это англичане все организовали! Не нравится им наше присутствие в Средиземном море!

Дед согласно кивнул, пыхнув дымом, и снова взглянул на внука.

– Все дед. Больше мне сказать нечего.

Василий конечно мог бы еще много что добавить к сказанному, про вице-канцлера Панина, генерал-губернатора Палена, командиров гвардейских полков, но это было бы подозрительно.

Опять же, завербовать на данный момент могли не всех ключевых лиц, взять того же Александра Аргамачева – полковой адъютант Преображенского полка и плац-майор Михайловского замка. Он необходим заговорщикам, чтобы попасть внутрь замка через его разводные мосты. Имел полномочия входить к императору для доклада о чрезвычайных происшествиях в городе в любое время суток.

Откуда вообще так на эту тему много знал. Ну так Индия, все эти чакры, мантры, третий глаз и прочая йога с аурами. При чем тут вся эта эзотерика? Одно цепляет другое, родители всей этой ересью интересовались плотно, потом еще Жириновский какую-то пургу нес про мытье сапог в индийском океане, краем мелькнула информация про несостоявшийся

индийский русско-французский поход, вот как-то по совокупности и заинтересовался этой темой. Память же хорошая, помнил много.

«Лучше потом самостоятельно размотать клубок потянув за Зубовых, если до его размотки вообще дело дойдет», – подумал он.

– Понятно...

4

Повисло напряженное молчание, при этом граф положив руки на стол и сцепив пальцы в замок, дымил как еще не существующий паровоз и о чем-то напряженно размышлял, сдвинув брови.

Первым не выдержал Василий Петрович Орлов:

– Что делать с этим со всем будем?!

– А нам надо что-то с этим делать? – вынув трубку изо рта и откинувшись на спинку стула, вкрадчиво спросил граф.

– Но...

– Или может быть он тебе по нраву? – усмехнулся на зятя граф.

– Нет...

Василию Петровичу тоже не за что было любить императора несмотря на его благоволение к войсковому атаману Донского казачьего войска, благодаря которому собственно и занял столь высокое положение. Все из-за ситуации с кал-

мыками.

Он предпринял попытки урегулирования конфликта с калмыками. Суть его следующая. По уходе в январе 1771 года большой Торготской Орды в Китай, оставшиеся в России калмыки в числе 2000 кибиток разделились на четыре орды: Большую и Малую Дурботскую, Торготскую и Хошотскую, кочевавшие по правой стороне Волги до границ Войска Донского. В 1785 году Большая Дурботская орда была причислена к казенному ведомству и разделена на четыре части, надзор над коими был вверен особым приставам.

Притеснения этих приставов вынудили калмыков перекочевать в 1788 году к Дону и прожить там до 1794 года, когда они стали просить дозволения навсегда им остаться при Войске Донском, но императрица Екатерина II поручила войсковому атаману Иловайскому склонить их к переходу на левую сторону Волги, куда они и перекочевали в 1795 году.

Однако по вступлении на престол Павла I они снова стали просить о причислении их навсегда к Войску Донскому. Орлов, бывший тогда уже войсковым атаманом, поддержал их просьбу и в 1798 году император Павел I повелел причислить калмыков к Войску Донскому.

Орлов составил для вновь прибывшей калмыцкой орды проект суда, под названием «сысного начальства». Но так как ему вскоре пришлось отправиться в Пинский поход, то проект этот был представлен императору Павлу I наказным атаманом Д. И. Иловайским, но Павел I не утвердил этого

проекта, а вместо Сыскаго Начальства повелел учредить особое правление, которому, между прочим, было поручено «сделать поголовную перепись, в коей означить, по кибиткам или по селениям, всех калмыков, с показанием их лет» на таком точно основании, как производится подобная перепись по Войску Донскому.

Эта перепись и вообще действия вышеупомянутого Правления очень не понравились калмыкам и в мае 1800 года Большая Дурботская орда в полном составе откочевала в степи Астраханской губернии. Узнав об этом, Орлов тотчас же поехал к калмыкам, догнал их и старался уговорить возвратиться на Дон, но калмыки наотрез отказались вернуться. Побег калмыков из донских степей причинил Войску большой материальный ущерб, так что любить императора было не за что.

Собственно, из-за ситуации с калмыками Василий Петрович и находился в столице, пытаясь уже здесь как-то выправить положение, но безуспешно.

– Слушай дед, а ты часом сам не среди заговорщиков?

На это Федор Петрович только усмехнулся.

– Нет.

– Не пойми меня неправильно дед, но после твоей опалы и твоего сейчас заявления...

– Внук, если я сказал «нет», то значит «нет», – жестким тоном произнес Денисов и хлопнул ладонью по столу.

– Прости дед, – повинно склонил голову Василий Васи-

льевич.

– Ничего, – смягчился граф. – Ситуация действительно... неоднозначная, но даже если бы ко мне пришли за поддержкой я бы отказался. Стар я для таких дел и риск большой. Будь я моложе, может и поучаствовал был от обиды из-за опалы. А сейчас... плевать.

– Так что, Федор Петрович, ничего делать не будем? – снова спросил зять графа.

– Повторю, а оно нам надо? – даже как-то расслабленно пыхнул дымом первый казачий граф. – Давайте говорить прямо, нынешний император... плохой император несмотря на то, что сделал довольно много правильных вещей, но эти хорошие дела полностью перечеркиваются его стилем руководства, слишком вспыльчивый и непоследовательный. Сегодня одно скажет и сделает, завтра другое, зачастую диаметрально противоположное вчерашнему. Как с таким императором можно хоть что-то планировать в жизни? Постоянно ждешь от него подвоха. Так что понять заговорщиков можно, они боятся его очередной выходки, когда можно всего лишиться в один миг... Вот сейчас ты Вася генерал и войсковой атаман, а завтра перемкнет у него в голове и станешь никем и твой сын заодно с тобой коров пасти.

Василий Петрович молча с хмурым видом рухнул на стул.

– А ты внучек не согласен?

– В этой части, про взбалмошность императора, согласен...

– Хм-м... что ты этим хочешь сказать?

– Проблема в том, что за заговорщиками стоят англичане дед. Сейчас они нацелились на Мальту и Александр, которого хотят возвести на престол в обход назначенного наследником Константина расплатится им эту помощь.

– Да и черти с этим островом поганым, – махнул рукой граф.

– В целом согласен, – кивнул Василий. – Он в нынешних обстоятельствах, как чемодан без ручки, проблема в том, что Александр теперь на крючке и будет делать все, что скажут ему англо-саксы. А учитывая, что сейчас творится в Европе это для нас может обернуться большими проблемами.

– Продолжай...

– Сейчас Наполеон подминает под себя Европу, и я уверен подомнет всех кроме островитян, оставив их на закуску. Французам нужно восстановить флот сильно пострадавший от революции... которую вполне возможно устроили как раз англо-саксы, чтобы этот французский флот уничтожить, тем самым избавившись от конкурента в колонизации иных земель, той же Индии.

– Думаешь они революцию лягушатникам устроили?

– Не факт, конечно, но если посмотреть, что пострадал в большей степени именно морской офицерский состав, то... вспоминаем одну цитату, звучащую как: «смотри кому выгодно».

– Понятно... Дальше.

– А дальше, если еще и Россия станет союзником Наполеона, то это для Англии конец. Для нее это конец даже если Россия окажется нейтральна и не станет вмешиваться в европейские дела, что вполне вероятно при нынешнем императоре, что уже кажется начал осознавать простую вещь – европейцы лживы и бесчестны и никогда не выполняют своих обязательств ибо оказанная услуга уже ничего не стоит. Так что англичане останутся один на один с Наполеоном, чего они боятся до непроизвольного мочеиспускания.

– И мы нужны им как союзники, – сказал Василий Петрович, с некоторым удивлением поглядывающий на сына.

– Скорее в качестве пушечного мяса, – невесело хмыкнул граф.

– Верно. Император, что с помощью англичан сменит на престоле Павла Петровича, став их марионеткой, вынужден будет бросить нас против армии Наполеона. А теперь представьте ее размер, после того, как он покорит всю Европу. И даже если мы победим, точнее не мы, а англичане, что нанесут добивающий удар. Представляете какие будут у нас потери?

– Гигантские, – кивнул граф.

– Вот именно. Надо ли говорить, что нашей слабостью постараются воспользоваться наши соседи? Та же Польша, Швеция, я уже молчу про осман... Нам придется очень туго и на помощь тех же англичан, как вы понимаете рассчитывать, не приходится.

– Да уж внучек, нарисовал ты картину... – выдохнул граф и затушил трубку, после чего налил в стакан из графина горилки, если судить по бледно-белому цвету, и залпом выпил. – Только зная характер Павла Петровича можно с большой долей уверенности спрогнозировать, что воевать нам все же придется, пусть и за французов против тех же англичан.

– Возможно...

«И даже раньше, чем вы думаете», – подумал Василий Васильевич и продолжил:

– Только вряд ли это будет высадка на остров.

– Почему? – спросил отец. – Это ведь самый быстрый путь победить англов.

– Их флот силен, это надо признать, и даже если добиться победы, то потери в кораблях будут громадными. Оставшимися вымпелами перебросить на остров большой десант не получится, а то, что получатся англичане легко сбросят в море. Так что если и бить англичан, то по самому больному месту, если в сердце не получится.

– Это куда же? – удивился отец.

– По кошельку, конечно, – усмехнулся Василий Васильевич. – То есть по Индии.

Граф раскатисто засмеялся.

– И вот это направление, нам уже интересно. Там хоть хабар можно будет хороший взять, шелк, драгоценные камни, золото... раджи сказочно богаты, а не сдохнуть напрасно,

удоблив поля Европы своими телами, да еще и задолжав тем, кого мы будем спасать от Наполеона.

– Ух! – продолжил посмеиваться граф, вытирая выступившие слезы платком. – По кошельку!.. Каково а?! Но ты прав, кошелек их самое больное место, те еще торгаши...

– Так что для того, чтобы мы могли хорошенько прибрахлиться, нам нужен живой Павел Петрович.

– Да уж... – выдавил из себя Василий Петрович, глядя на сына совсем уже круглыми от изумления глазами.

– Что ж внук, если смотреть на ситуацию с этой стороны, то действительно императора надо защитить. Вот только как это сделать?

– Добиться аудиенции и рассказать ему все, – выпалил Василий Петрович.

– Не самая лучшая идея, отец...

– Почему?

– Допустим он поверит без предъявления доказательств, которых у меня нет... но все же поверит и прикажет Петру Палену как главе Тайной полиции проверить сведения по тем же братьям Зубовым...

– И заговор вскроется.

– Вскроется... только с чего ты взял, что Пален сам не в числе заговорщиков?

– Э-э...

– Тогда нас самих порешат.

– Это невозможно...

– Почему отец? Пален так же боится пострадать от буйного нрава императора, как и все прочие высокопоставленные аристократы.

– И что тогда делать?

– Да внук, что ты предлагаешь?

– Как опять же сказал один умный человек, хочешь, чтобы дело было сделано так как надо, сделай его сам.

– А именно? – продолжил допытываться граф.

– Предлагаю навестить одного из братьев Зубовых и хорошенько его поспрошать на тему заговора и узнать всех участников.

– И с этим идти к императору? – удивился отец.

– Нет.

– Почему?

– Неизвестно, что императору стукнет в голову, когда он получит информацию о готовящемся на него покушении. Я более чем уверен, число заговорщиков велико, и они очень влиятельные люди, то... кто-то все же благодаря своим связям сможет вывернуться от ответственности и уже мы окажемся под ударом. Да просто их сторонники захотят нам отомстить. Нам это надо?

– Нет...

– Опять же, заговор может перейти в активную фазу. Заговорщики начнут действовать, как только станет известно, что их раскрыли. А это станет известно всем.

– Тогда что делать?

– Как я уже сказал, сделать все самим, да так, чтобы об этом не стало известно императору.

– Да как же он не узнает...

– А кто ему расскажет? – криво усмехнулся Василий Васильевич.

– Так ты что, предлагаешь...

– Ну да бать, мертвые не говорят и тем более не кусаются.

Василий Петрович выпучил глаза и только хватал ртом воздух, а граф после короткой паузы снова расхохотался и снова отерев глаза платком, прохрипел:

– Ты прямо башибузуком каким-то стал! Но ты мне нравишься! Не зря я хотел передать тебе в наследство свое графское достоинство, теперь только окончательно уверился в этом!

– Осталось решить, кого станем потрошить в плане информации, – произнес Василий Васильевич. – Хорошо бы самого посла... Уверен, что он знает всех заговорщиков.

– Опасно, – отрицательно покачал головой граф. – После его исчезновения такой переполох начнется! Весь город на ушах будет. Да и заговорщики могут возбудиться раньше времени. Так что надо кого попроще и обставить как естественные причины смерти, чтобы точно не задергались раньше времени.

– Тогда кого?

– Точно не Николашку, – хохотнул Федор Петрович Денисов, что изрядно пожил в столице, повращался в высшем

свете и знал все обо всех. – Во-первых, туп как пробка, а во-вторых, его жена столь болтлива, что если бы она хоть что-то бы узнала о заговоре, то об этом трепался уже весь Петербург. Так что очень сомневаюсь, что Коленьке говорят все, зная, что женошка из него все вытянет и растреплет по секрету всему свету!

Троица посмеялась.

– Вот кого надо было бы взять за жабры, так это Платона, умен и хитер, полная противоположность своему старшему брату, да вот беда, в опале он и за границей обретается...

– Остается Валериан, – со вздохом сказал Василий Петрович. – Но пытаться калеку...

– А еще сестрица ихняя, – напомнил Василий Васильевич.

– Ты что же, женщину... – очумело посмотрел на сына Василия отец Василий.

– А что тут такого, бать? – криво усмехнулся тот. – Раз уж влезла в мужские дела, да еще со свержением императора, то и отвечай соответствующим образом.

– Хм-м... тоже верно, – степенно покивав, согласился граф.

– Тогда лучше все-таки Валериана поспросить... – насутился Василий Петрович.

– Валериана, так Валериана, – кивнул граф. – Тем более гнида редкостная...

Глава 3. Петербургский замес

1

Но как говорится, нельзя просто взять и...

Василий Васильевич сначала хотел просто пробраться ночью в дом заговорщику, но... нельзя просто взять и влезть. В общем-то можно, но слуги... их тогда тоже придется в расход. Играть с ними со всеми в характерника задача бесполезная.

Контрзаговорщики пошли по более простому пути. Граф Денисов покрутившись в обществе, вызнал, когда Ольга Жеребцова устраивала очередной прием, а случалось это регулярно.

– А что, если братец ее калечный не поедет на него? – спросил Василий Петрович.

– А вот это я, батя, загодя у слуг постараюсь узнать...

Узнал. Труда особо не составило. Не осажденная ведь крепость. Кто-то на рынок ходит за продуктами, кто-то за дровами ездит, другие отходы всякие на свалку вывозят, кто-то по своим делам мотается. Вот одного из таких слуг – истопника решившего посидеть немного в корчме Василий Васильевич со своими ребятами и перехватил на обратном пути.

С пьяными вообще хорошо работать, если они конечно от

выпитого не становятся буйными, особенно если еще немало пережать шейные вены для уменьшения притока крови к голове, доводя человека до полуобморочного состояния, когда восприятие реальности совсем плывет.

Вот так прихватив его бредущего по улице, закинули его в крытый возок и пока ездили Орлов все интересное из него вытряхнул, даже гипнозом пользоваться не пришлось.

Ну а поскольку слуги, даже если не хотят, все равно в курсе о делах своих хозяев, то и истопник оказался осведомлен, что Валериан собирался-таки на прием к сестре.

Отпускать истопника не стали, нет, убивать тоже почему не пожелали, просто заставили выхлебать еще немного «горючего», да вырубил ему сознание. Самого закинули выкинули на одной из пустынных улиц. Не околает. Мужика или быстро заметят прохожие, да патруль вызовут, а те уж его в околоток снесут, где он и проспится... до следующего утра.

Дальнейшее стало делом техники. Слежка за домом Валериана Зубова и фиксация выезда.

– Карета и кроме кучера два крепких лакея на запятках, – сообщил Прохор, что собственно вырядившись в слугу, наблюдал за домом.

Кучер и два лакея, даже если они помимо всего прочего выполняют роль еще и охраны, это немного. Да и не спасет такая охрана... от бандитского нападения. Криминогенная обстановка в столице Российской империи была весьма

сложной. Шаек в городе хватало, вот под одну такую банду и собирался сработать полковник.

Всего в доме Ольги Жеребцовой на этот раз собралось два десятка человек, командиры гвардейских полков, чиновники, ну и конечно английский посол.

Василию Васильевичу до зубовного скрежета хотелось тряхнуть именно его, но с ним не факт, что удалось бы сработать тихо. Прибыл он с внушительной охраной из шести человек. Помимо лакеев на запятках, было четыре всадника, два спереди и два сзади кареты, вооружены пистолетами и саблями. В общем без шумного боя его не взять. Да и не надо... пока.

Карету младшего Зубова нагнала легкая коляска из которой выметнулось две стремительные тени набросившиеся на лакеев, те не успели даже пикнуть, как были схвачены и оглушены. Коляска тем временем обогнала карету и встала поперек улицы перегораживая путь.

– Прочь с дороги! – крикнул кучер и даже замахнулся хлыстом, как получил точно в лоб оглушающую стрелу от Уила.

Вскинув головой и взмахнув руками, кучер стал заваливаться вперед если бы еще не одна тень, что схватила его за руку и стянула с козлов и оттащив куда-то в сторону, то мог бы упасть головой на брусчатку.

– Тати проклятые!

Послышался щелчок взводимого пистолетного курка. Ва-

лериан явно готовился отстреливаться от разбойников, но никто ясное дело не собирался подставляться под свинец.

Бздынь!

Одна из теней разбила оконце двери кареты, а вторая тень, что-то бросила внутрь.

Бах!

Хлопнуло даже не сильно громко и вспышка была так себе, но и ее хватило, чтобы в глазах заплясали зайчики, но главный поражающий фактор, это все-таки дым и... горчица. Такая вот химическая граната.

– А-а-а!

Валериан сам неловко выскочил из кареты и был принят нападающими, что его быстро разоружили и скрутили, после чего сноровисто закинули во вторую подкатившую коляску, коя тут же умчалась во тьму. А за ней и первая, подобрав основных действующих лиц. На месте осталась лишь карета, да лакеи с кучером.

К счастью для Василия Васильевича к сестрице на прием Валериан ездил без своей любовницы княгини Марии Потоцкой, коей в эти дни было дурно, то ли из-за беременности, то ли из-за критических дней.

В коляске младшему Зубову оказали помощь, промыв глаза молоком, а потом водой, помогла не сильно, но все-таки полегчало. Он дергался в руках казаков, но все было тщетно, мог только мычать из-за кляпа во рту.

Пленника вывезли за город в заранее обородованное для

допроса местечко – вырытую землянку в глубоком овраге. Там ему вынули кляп. Валериан начал орать, грязно ругаться обещая всевозможные кары, но быстро заткнулся, стоило схлопотать по лицу сильный удар, что разбил губы и выбил ему два зуба.

– Заткнись.

Осмотревшись, глаза как раз более-менее пришли в норму, хоть еще все еще щипало и слезились, Валериан заметил в свете масляного фонаря стоящего в земляной нише трех типов, что сидели напротив и даже не скрывали своих лиц. Сердце его похолодело, даже не от того, что он их узнал, а от самого факта открытого разбоя и осознания, что живым ему не выйти.

– Зачем вы меня схватили граф?! Вы ответите за свою татьбу!

– Затем мой друг, что не все согласны с низвержением императора, да еще когда этим всем непотребством правят англичане. Так что кто из нас больший тать это еще надо посмотреть...

– Что вам от меня надо?!

– Немного. Всего лишь имена остальных заговорщиков.

– Я вам ничего не скажу!

– Скажешь. Все говорят.

– Император безумен! Его надо остановить!

– Не по делу болтаешь, – поморщился граф. – Давай внучек, приступай.

Самый молодой из троицы схватил Валериана за шею, отчего у него скоро закружилась голова. В рот полилась какая-то горькая жидкость...

Сыворотку правды конечно не сварганить на коленке, но достаточно других веществ, тот же опий, что хорошо раскрепощал сознание в совокупности со спиртным, плюс гипноз.

Повозиться Василию Васильевичу конечно пришлось, но результат не заставил себя долго ждать, скоро Валериан Зубов превратился в послушную марионетку с пустыми глазами. Начали задавать вопросы и пошли ответы.

– Матерь божья, – только и смог выдавить из себя Василий Петрович, когда пленник наконец замолчал. – А ведь я до последнего сомневался...

Поражаться было чему. Младший Зубов назвал больше ста имен, что пришлось записывать, среди них высшие государственные сановники вроде тех же Палена и Панина, командиры и старшие офицеры гвардейских полков, очень много представителей высшей аристократии и дворянства.

Василий Васильевич порадовался, что в их числе нет Державина, на которого у него появились определенные планы. Он собирался привлечь этого государственного деятеля и поэта. Только пока не знал, сделать это явно или через интригу.

– И что нам теперь с этим всем делать?! Это же уму непостижимо!

Граф Денисов посмотрел на внука хмурым взглядом. Он,

как и зять, тоже не ожидал такого размаха. Ну ладно десять человек, ну ладно двадцать или даже тридцать... Но больше ста! И ведь это явно не придел. Вербовка сторонников заговорщиками продолжается.

– Что и задумали – корчевать... По крайней мере главный корень надо выдернуть.

С этими словами Василий Васильевич выхватив нож, нанес быстрый удар в сердце пленника.

При этом он ничего не почувствовал в момент убийства, хотя вселенец никогда вот так лично никого не убивал. Зато это делал реципиент и видимо слияние сознаний все-таки произошло.

Василий об этом начал догадываться еще в тот момент, когда встретился с отцом и дедом, потому как ощущал по отношению к ним то, что должен ощущать любящий сын и внук. В общем относился к ним, не как к чужим людям, которыми для вселенца они по сути являлись.

– И это даже хорошо... – двусмысленно произнес он и добавил: – что этих тварей так много.

– Чем же? – удивленно спросил граф.

– Хабара больше будет, а денежки нам очень пригодятся. Так что, как говорится, кто нам мешает, тот нам и поможет, хе-хе...

Освобожденное от ценностей тело Валериана Зубова бросили с моста. Шум от его убийства «в конец обнаглевшими» татями в столице поднялся знатный. А уж какая движуха на-

чалась! Бегала полиция, бегали военные, перетряхнули разбойное дно Петербурга и даже кого-то поймали. Ну и как водится, для прикрытия своих нежных седалищных мест, дабы не лишиться и места на котором сидят, назначили виноватых, так что спустя недельку все успокоилось.

Тем более что в конце октября появилась другая новость, взбудоражившая высший свет и от которой буквально лихорадило двор. Англичане еще в начале сентября высадились на Мальту. Надо ли говорить как негодовал Павел Первый являвшийся с 1796 года великим магистром Мальтийского ордена. Как ответное действие российский император решил создать союз против англичан с Пруссией, Швецией и Данией.

2

Шестого ноября Федор Петрович Денисов неожиданно получил приглашение прибыть во дворец на аудиенцию к императору.

– Чего хотел? – спросил Василий Васильевич после того, как граф вернулся.

– Назначил меня шефом лейб-казацкого полка, – даже как-то растерянно ответил граф Денисов.

– Чего это?

– А бог его знает, – пожал тот плечами. – Но завтра снова надо идти во дворец, и вы вместе со мной.

– Зачем?

– Да пока император снова мне благоволит, бог ведь знает на сколько это расположение затянется, может уже через неделю снова в опалу попаду, так я обратился к нему с дозволением передать тебе графский титул. Благо ты в столице, вот он и решил это сделать лично.

– Понятно. И спасибо дед, – обнял графа Василий Васильевич.

– И я тебя благодарю, Федор Петрович, – вслед за сыном обнял графа Василий Петрович.

– Да чего уж там... – растрогался обычно смурной граф Денисов.

И вот аудиенция у императора, что решил лично посмотреть на Василия Васильевича Орлова. Ну да, ни телевизора, ни интернета, так что развлекались встречами.

– Граф Денисов, обратился ко мне с просьбой передать вам Василий Васильевич, своему внуку, графский титул по причине отсутствия прямых потомков мужского пола, и я решил эту просьбу удовлетворить. Теперь вы граф Орлов-Денисов.

– Благодарю, ваше императорское величество!

– Не посрамите, оказанное вам доверие и высокий титул.

– Не посрамлю, ваше императорское величество и буду достойным своего дела.

– Я в этом не сомневаюсь. Вы недавно прибыли с польской границы?

– Так точно, ваше императорское величество.

– И как там обстановка?

– Пока спокойная, ваше императорское величество.

– Пока? – удивился Павел Первый и с озабоченным видом спросил: – Что вы имеете ввиду?

– Это же поляки, ваше императорское величество, – усмехнулся новоиспеченный граф Орлов-Денисов. – Бунтарство у них в крови. Долго находиться в состоянии покоя они не в состоянии. Не сегодня так завтра снова бунтовать начнут. Не будет повода, так они сами его придумают!

– Ах, в этом смысле! – засмеялся император. – А вы шутник! Но вы правы граф, крайне беспокойные подданные...

– Ваше императорское величество, позвольте в качестве благодарности за ваше к нам расположение подарить ружье моей конструкции.

– Ружье! Это интересно! – явно заинтересовался Павел Первый, что неудивительно с его любовью к «игре в солдатики». – Вы еще и оружейный новатор, полковник.

– Есть немного, ваше императорское величество. Очень уж меня эта низкая скорострельность угнетает, прямо-таки убивает. Вот и решил немного модернизировать...

– Где же оно?!

– Прикажете впустить моего казачка, ваше императорское величество, или лучше давайте сами выйдем во двор, я объясню его конструкцию и заодно проведем стрельбы.

– Конечно идем!

Василий Васильевич прекрасно осознавая, что его идею с ружьем-переломкой быстро слямзят все кому не лень, решил сделать более сложную и ущербную конструкцию, а именно ружье Холла, одна из вариаций с откидным «брусом-казенником», такая схема сложнее конструктивно и в производстве из-за высокой точности подгонки деталей. При этом ружье было сделано с еще кремниевым замком. Раньше времени раскрывать капсюльный способ запала он не собирался, дескать сюрприз будет.

Вот это ружье и решил он «засветить», заставив воров отвлечься и уже не так внимательно приглядываться к тому, что будет делать сам Василий Орлов, дескать, что он еще может делать, как не то, что у него же и украли?

Опять же, подарок обеспечивал Орловым еще большее расположение со стороны императора, что совсем не лишнее. Кроме того, это давало Василию оказаться с императором наедине, без свидетелей-слуг и сановников. А требовалось это ему для своих манипуляций.

За казаком с подарком послали слугу и тот принес кофр с ружьем.

– Вот, ваше императорское величество, – стал показывать оружие Василий Васильевич, начав играть голосом и бликовать перстнем задавая ритм. – С целью увеличения скорострельности, я придумал вот такую штуку – откидной затвор. Скусываем заранее подготовленный бумажный патрон, сыпем на полку, закрываем, откидываем затвор и ссыпаем туда

оставшееся и приминаем пулю пальцем, после чего возвращаем затвор и фиксируем рычажком. Можно стрелять.

Никто из стоявших в отдалении не заметил небольшую всего с минуту заминку-паузу.

Но даже этого Орлову-Денисову хватило с лихвой, чтобы сделать небольшую закладку в мозгах императора. Ничего серьезного, просто небольшой акцент на одно имя, дескать это лучшая кандидатура на пост вице-премьера. Павел Петрович оказался на удивление легко вводим в состояние гипноза и внушаем. Просто удивительно, как в нем совмещалась эта подозрительность и одновременно доверчивость из-за чего им крутили все кому не лень, те же Панин с Паленом.

– О! Это действительно повысит скорострельность в разы! Стреляйте, граф!

– Слушаюсь, ваше императорское величество!

Мишень действительно была подготовлена и Василий Васильевич в нее пальнул.

– А теперь дайте я!

– Ваше императорское величество...

Василий Орлов передал ружье императору и тот расстрелял десять зарядов, все что было подготовлено. Снаряжал ружье он при этом довольно сноровисто. Пули кстати использовались круглые. Тоже ни к чему раньше времени светить конструкцию Минье.

– Великолепно! Я очень доволен вами граф! Такая новация в оружейном деле, сделает нашу армию много сильнее

и это заслуживает серьезной награды. Произвожу вас в генерал-майоры! А так же за заслуги перед отечеством награждаю орденом святого Иоанна Иерусалимского третьей степени!

Но тут император явно смутился, ведь по меньшей мере странно награждать кого-то этим орденом иначе Мальтийским крестом, его «любимой» наградой, когда Мальта захвачена врагом, и уже чуть сварливо добавил:

– Да... глупо будет... Тогда орденом Святого Александра Невского.

– Служу отечеству и престолу, ваше императорское величество!

3

– Пора начинать вторую часть Марлезонского балета, – сказал Василий Васильевич, натягивая на лицо мешок с прорезами для глаз.

С момента аудиенции у императора прошло пять дней. Как водится награды и чины как следует обмыли.

Такие же маски напялили на себя еще пять человек, что шли с ним на дело.

Полковник решил атаковать ни много ни мало, как английское посольство.

На лодке они догребли до здания и пристав к берегу, они подхватили два специальных трапа-тарана и устремились к

своей цели. Быстро взбежали по крутому берегу, перебежали пустую дорогу и бойцы обрушили трапы-тараны на окна, буквально вминая их внутрь.

Василий Орлов стремительно взбежал по получившемуся мостку, а вслед за ним и остальные его люди после чего началось натуральное избиение всех кто попадался им под руку тяжёлыми дубинками от которых несчастные падали с тяжелыми травмами с переломанными руками, ключицами или черепами. Никого жалеть атакующие не собирались.

– Где обитает посол?! – приставив нож к глазу какому-то слуге, спросил Василий Васильевич.

Ничто так не пугает человека как как холодная сталь ощущаемая кожей.

– Т-там... на втором этаже...

– Веди! Прощка! Прикрывай!

Выскочив в коридор из комнаты в которую попал полковник, он толкая трясущегося от страха слугу перед собой держа его за шиворот, устремился к лестнице ведущей на второй этаж.

Остальные казаки продолжали зачистку весьма немаленького здания, калеча слуг и посольских служащих.

Надо отдать должное, Уитворт оказался не робкого десятка и облаченный в халат выскочил из своей комнаты вооружённый пистолетом и шпагой. Кроме того рядом с ним оказалось двое слуг, так же вооружённых пистолетами.

Кто-то из них выстрелил и тело слуги вздрогнуло, тут же

превратившись в тяжелый безвольный мешок. Но Василий удержал его, продолжая использовать как щит.

Пш-ш... Бах!

Еще один выстрел, уже практически вслепую сквозь пороховое задымление от первого.

Телохранители посла, отбросив пистолеты и обнажив короткие клинки бросились в атаку.

– Теперь моя очередь стрелять!

Бах! Бах!

Самодельный револьвер не подвел и телохранители один за другим рухнули на пол, при этом один из них покатился по лестнице под ноги полковника.

Пш-ш... Бах!

Прозвучал третий выстрел со стороны обороняющихся. То есть стрелял уже сам посол Уитворт, но промазал. Задержка перед выстрелом из-за воспламенения пороха на полке дает несколько мгновений для того, чтобы уйти с линии огня.

Отбросив ставшее ненужным тело, Василий Орлов преодолел последние ступеньки до второго этажа. Посол же не стал испытывать судьбу и задал стрекача, попытавшись скрыться в своей спальне.

– Не так быстро!

Василий Васильевич мощным ударом ноги выбил едва закрывшуюся перед его носом дверь. И тут же ушел в сторону, чтобы не быть пронзенный шпагой. Вообще-то под одеж-

дой имелась хорошая кольчуга, но зачем рисковать, тем более что удар мог прийтись в лицо.

Бах! Бах!

Еще два выстрела из револьвера поставили точку в так и не начавшейся толком схватке.

Одна пуля попала в цель и посол с криком боли рухнул на пол, зажимая рану на ноге руками.

– Прощка, займись им!

Казак протиснулся вперед и откинув подальше шпагу, быстро перетянул рану Уитворта специально приготовленной для такого случая веревкой, останавливая кровотечение. Так же он связал ему ноги и руки, полностью обездвизив.

Бах!

Орлов выпустил последнюю пулю из своего револьвера в какого-то типа и быстро сменил барабан.

– Готово!

Прохор оставив посла, вновь вернулся к дверям, чтобы прикрывать своего командира.

– Ну вот, теперь поговорим...

– Кто ты такой, черт тебя подери?!

– Вопрос неправильный и бессмысленный, тем более что вопросы буду задавать я, а вы – отвечать.

– Я вам ничего не скажу!

– Ну это мы сейчас посмотрим...

Василий достал несколько игл из кожаного футлярчика и присев рядом с послом начал втыкать их в болевые точки.

– А-а-а!!!

Орлов вынул пыточный инструмент из тела Уитворта.

– Ну что, продолжим веселье или ответите на пару вопросов.

– Что ты хочешь знать, варвар!

– О, немного, для начала, где тайник с деньгами?

И не дожидаясь ответа Василий снова всадил иглу в тело посла.

– А-а-а!!! Я с-скжу-у-у!!! Тайник в подвале-е-е!!!

– Лучше покажи, а то мало ли...

Казак тем временем закончили зачистку здания и теперь создавали картину хаоса, круша что под руку попадет, переворачивая столы, шкафы гребя при этом все мало-мальски ценное.

Спустились в подвал.

– Здесь... за панелью...

– Сюрпризы буду?

– Нет-нет! – быстро ответил посол стоило только ему увидеть почувствовать прикосновение иголки.

– Проща...

Казак отколупал несколько досок кинжалом и за ними оказалась железная дверца сейфа.

– Его открывай сам...

Посол открыл. Сюрпризов в виде какой-нибудь взрывающейся ловушки или там вылетающей ядовитого дротика, действительно не оказалось. Внутри сейфа разделенного на

три части по высоте, лежали ценности. В самом низу ясно дело деньги в монетах, золото и серебро лежащее в кожаных мешочках. На средней полке лежали бумажные деньги, а на верхней какие-то бумаги.

– Это все?

– Д-да...

Василий всадил иглу.

– Да-а-а!!!

– Точно?!

– Да-а-а!!!

– Теперь верю.

Вынув иглу Орлов схватил нож и нанес несколько ударов печенью.

Сейф был быстро очищен от всего содержимого в заранее прихваченные мешки.

– Уходим!

Проخور продублировал приказ условным свистом от которого зазвенело в ушах, и казаки шурудившие в разных концах дома поспешили назад, таща всякое ценное барахло в своих мешках, в основном посуду и подсвечники.

Когда налетчики садились в лодку, из окон английского посольства уже вырывалось пламя. Понятно, что следовало по возможности скрыть все свои следы, а ничто так не скрывает их как пожар, вот бросили уходя по бутылке с маслом.

Вся операция заняла меньше десяти минут.

Но этот пожар был не единственным в эту ночь.

Вместе с Василием Васильевичем с ним на пару работал его отец, так что почти одновременно полыхнул особняк вице-канцлера Никиты Петровича Панина.

Спустя час полыхнули дома Палена Петра Алексеевича и Иосифа Михайловича де Рибаса, хоть тот и был уже сильно болен и долго все равно бы не протянул, но и богат этот испанец, основатель Одессы, обладал немалым, что и решило дело.

В одну ночь была ликвидирована почти вся верхушка заговора.

В принципе можно было еще парочку заговорщиков прижать к ногтю, времени до утра оставалось еще много, но как говорится, лучшее враг хорошего. Возрастали риски осмысленного сопротивления «раскулачиваемых», ведь пожары уже полыхали всюду, новости о них распространяются очень быстро, тем более что все влиятельные люди живут недалеко друг от друга. Да и на выручку могут прийти услышав стрельбу.

В общем еще немало заговорщиков, но одномоментно лишившись локомотива они невольно притихнут, гадая, что это собственно произошло и кто за этим стоит. А то и вовсе, заподозрив во всем императора и посчитав, что они следующие, побегут во все стороны как тараканы из-под тапка.

– А мы этому активно поспособствуем... – недобро усмехнулся Василий Васильевич.

Пожары в эти времена штука весьма пакостная, так что о них император узнал еще рано утром. То, что запылали сразу четыре дома было очень подозрительным, тем более когда стало ясно, чьи именно дома горят.

– Вызнай о случившемся все досконально! – потребовал Павел Первый у вызванного генерал-прокурора Оболянина Петра Хрисанфовича.

– Слушаюсь, ваше императорское величество!

Прошло несколько часов и вот генерал-прокурор снова появился в императорском дворце.

– Говори!

– Ваше императорское величество, первым в два часа ночи загорелось английское посольство, а так же дом вице-премьера Панина. Через полчаса вспыхнули дома Палена и де Рибаса...

– Что с ними?! Почему они не здесь?!

– Ваше императорское величество...

– Ну?!!

– Они мертвы, ваше императорское величество... Как и английский посол.

– Что?! Мертвы?!!

– Так точно, ваше императорское величество. Даже из дворни никто не спасся...

– Почему?!

– Подозреваю убийство, ваше императорское величество.

– Убийство?! Кто посмел?! Кто?! – топая ногами и брызгая слюной, орал он на стоящего перед ним навтыяжку генерал-прокурора.

Петр Обольянинов лишь продолжая тянуться, молчал.

– Найди их! Слышишь?! Найди этих татей!!! Сделай все возможное и невозможное, но найди!!!

– Слушаюсь, ваше императорское величество! Приложу для этого все силы!

– Прочь! Ищи их и не возвращайся пока не найдешь!!!

Генерал-прокурор поспешно удалился, а разгневанный император еще некоторое время истерично побушевав, выдохся и без сил рухнул в кресло.

– Кто это сделал?.. Кто?.. Кому выгодно?..

Но как бы он ни пытался ответить на этот вопрос, ничего не получалось.

Политический пасьянс не складывался.

Кто-то через убийство посла хочет окончательно рассорить Россию с Англией, лишив даже тени на примирение?

Вполне возможно.

Убийство высших сановников в эту канву тоже хорошо ложится. Павел Первый хоть и был сумасбродом, но все же далеко не клиническим идиотом, как об этом принято думать и знал, что Панин и Пален, как и многие другие сановники являлись англофилами.

«Французы? – вычленил он явных подозреваемых. – Слишком явно... словно их хотят подставить под удар. Опять же очень грубо сработано. Но кто? Сами англичане? Они хотят рассорить с франками, чтобы не допустить союза и для этого убили своего посла?»

Поверить в такое было трудно. Особенно это было тяжело «благородному рыцарю», коим считал себя император и переносил эту рыцарственность на всех, кто являлся носителем «голубой» крови. Оттого сильно негодовал и обижался, когда с ним поступали не по-рыцарски, как например австрийцы и те же англичане. Расставаться со своими иллюзиями вообще очень неприятно.

– Какая-то третья сторона? Но кто?!

«Или все-таки французы? – снова с подозрением подумал он. – А что до того, что так явно и грубо, так как раз в расчете на то, что это будет взято во внимание и сбросит с них подозрение...»

Павел первый застонал и схватился руками за голову, почувствовав, как от этих размышлений у него началась жестокая мигрень.

Все было слишком запутано.

– И что подумают в Европе?

От последней мысли императору стало совсем плохо. О том, как к нему относятся он был прекрасно осведомлен, чего только стоит перлюстрированное письмо того же посла Уитворга, где он писал, что российский император безумен

из-за чего чуть не стал персоной нон-грата, но потом все же императора отговорили от высылки английского дипломата.

Немного придя в себя, император задался новыми вопросами.

– И кого теперь делать вице-канцлером и губернатором?

Идей не было. Павел Первый почти никому не доверял, разве что по-собачьи преданного Обольянинову, всех подозревая если не в измене, то в недостаточной преданности. А чему удивляться если он изначально рос в нездоровой обстановке, когда собственная мать не хотела делать его своим наследником, а передать трон внуку Александру. Кого такое оставит равнодушным? Да и потом продолжили нагнетать нервическую атмосферу. Ему фактически целенаправленно расшатывали психику, дабы на фоне параноидальной подозрительности сделать зависимым. Своего в итоге добились, даже несколько перестарались.

– Державин разве что? – неожиданно подумал император, в голове словно щелкнуло и появилось облегчение. – Да, достойный муж и патриот отечества... А губернатором кого?

Но на эту тему он думать не стал, не так уж и принципиально. Опять же начала усиливаться проклятая мигрень.

5

Генри Эддингтон премьер-министр Соединенного королевства вошел с регулярным докладом в кабинет Георга Ав-

густа Фредерика, выполнявшего роль регента при своем отце – сошедшего с ума короля Георга Третьего.

– Ваше высочество... – поклонился премьер-министр.

– Итак Генри, что там происходит в этой дикой Московии? Погиб наш посол...

– Это было убийством, ваше высочество.

– Это точно?! – воскликнул принц и даже вскочил с кресла.

– Вне всякого сомнения, ваше высочество. Тело лорда Уитворта было опознано среди прочих и тщательно обследовано нашими докторами. На его теле имелось несомненно ножевое ранение в области печени. Кроме того, остальные работники посольства так же пострадали от пулевых ран и переломов. Тайник был пуст.

– Грабители?

– Скорее сработали под грабителей, ваше высочество.

– Вот как? С чего именно такое мнение?

– Одновременно с нашим послом были убиты высшие сановники этой Тартарии, ваше высочество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.